

Санкт-Петербургский государственный университет
Кафедра скандинавской и нидерландской филологии

Смирнова Евгения Андреевна

**Глагол skulle: семантика, употребление и перевод на русский
язык**

Выпускная квалификационная работа

Основная образовательная программа бакалавриата
по направлению подготовки 035700 "Лингвистика"
образовательная программа "Иностранные языки"
профиль "Норвежский язык"

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. А. Н. Ливанова
Рецензент:
к.ф.н., доц. А. А. Яковлева

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. Теоретические предпосылки исследования.....	5
1.1 Модальность. Модальные значения.....	5
1.2 Темпоральные и модальные значения.....	14
1.3 О способах выражения темпоральных и модальных значений в норвежском языке.....	16
1.4 Значение эвиденциальности.....	24
1.5 Иллокутивный компонент высказывания.....	26
Выводы по главе 1.....	30
Глава 2. Семантика и употребление глагола skulle.....	33
2.1 Частотность форм.....	33
2.2 Семантика сочетаний со skulle.....	35
2.3 Прагматическое значение высказываний с модальным глаголом.....	44
2.4 Синтаксические особенности skulle.....	46
2.5 Использование skulle в устойчивых сочетаниях.....	47
Выводы по главе 2.....	49
Глава 3. Перевод глагола skulle на русский язык.....	51
3.1 Средства выражения модальных значений в русском языке.....	51
3.2 Перевод skulle на русский язык.....	53
Выводы по главе 3.....	68
Заключение.....	72
Список использованной литературы.....	75
Справочная литература.....	75
Интернет ресурсы.....	78

Введение

Модальный глагол *skulle* является одним из наиболее частотных лексем норвежского языка. В форме настоящего времени *skal* он находится на 35-м месте в списке самых часто встречающихся слов, в форме претерита *skulle* – на 78-м [korrekturavdeling]. Несмотря на это, едва ли существует исчерпывающее описание функционально-семантических свойств данного глагола. Словарные статьи о *skulle*, как правило, ограничиваются описанием отдельных случаев употребления, причем трактовки значений существенно расходятся от источника к источнику¹. Кроме того, как правило, приводится описание смысла всего выражения с модальным глаголом, в то время как собственное значение *skulle* не указывается.

Способы выражения модальности и смежных категорий, несомненно, являются одним из наиболее сложных аспектов при изучении иностранного языка. Именно поэтому навыками использования модальных глаголов не-носители овладевают позже всего. В то же время данный класс слов является в норвежском языке недостаточно изученным. Норвежский лингвист Ян Энг заметил, что использование модальных глаголов – «одно из белых пятен²» в норвежской грамматике [Engh 1993: 30]. Анализ семантики модальных глаголов усложняется тем, что на собственное значение глагола накладываются модальные и темпоральные значения грамматической формы, в которой он стоит.

Категория модальности пересекается с другими прагматическими категориями, например, эвиденциальностью, оценкой или иллокутивной направленностью высказывания. Общим для них является то, что они, так или иначе, выражают отношение говорящего к изложенной в пропозиции

¹ Ср., например, статьи о глаголе *skulle* в норвежско-русском словаре В. П. Беркова, норвежском онлайн-словаре *Vokmålsordboka*, словаре консервативного литературного норвежского *Riksmålsordboken* и норвежской справочной грамматике *Referansegrammatikk*.

² *En av de hvite flekkene*. Здесь и далее курсивом перевод мой – Е.С.

информации. Тот факт, что эти категории объединяет сосредоточенность на самом *говорящем*, объясняет возросший к ним интерес на фоне общей *антропологической* направленности современных гуманитарных наук. Одновременно с этим недостаточная изученность модальности отмечается практически всеми исследователями, касавшимися этой темы. Все это определяет **актуальность** настоящего исследования.

Предметом работы является употребление модального глагола *skulle* в художественном тексте, а также перевод сочетаний со *skulle* на русский язык. **Новизна** исследования продиктована тем, что в нем впервые будут описаны некоторые особенности использования форм с данным глаголом. Кроме того, насколько известно, подробный анализ способов перевода конструкций со *skulle* на русский язык ранее не проводился.

Цель работы – выявить особенности употребления и семантики модального глагола *skulle*, а также проанализировать, каким образом те или иные свойства глагола отразились на переводе. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие частные **задачи**:

1. ознакомиться с семантическими категориями, к которым могут относиться выражаемые *skulle* значения;
2. обобщить уже описанные особенности функционирования модальных глаголов;
3. собрать и проанализировать соответствующий материал;
4. выявить на основе изученного материала не отмеченные ранее или специфические случаи употребления модального глагола *skulle* и описать их;
5. проанализировать предложенные способы перевода сочетаний со *skulle* на русский язык и, по возможности, предложить рекомендации по переводу конструкций с данным глаголом.

Материалом для исследования послужили романы «**Шарлотта Исабель Хансен**» Т. Ренберга и «**Кровь на снегу**» Ю Несбе (Т. Renberg «Sjarlotte Isabel Hansen»; J. Nesbø «Blod på snø»), а также переводы этих романов, выполненные А. Н. Ливановой и Е. А. Лавриной соответственно.

Работа состоит из введения, одной теоретической и двух практических глав, заключения и списка использованной литературы. Теоретические предпосылки анализа перевода приведены в последней главе.

Глава 1. Теоретические предпосылки исследования

Модальные глаголы могут выражать целый ряд лексических и грамматических значений, не все из которых являются модальными. При этом семантические категории, к которым эти значения принадлежат, зачастую тесно связаны с категорией модальности, пересекаются с ней или даже включаются в нее некоторыми исследователями.

Модальным глаголам уже посвящен целый ряд работ, в которых изложены наиболее общие закономерности, связанные с их употреблением. Поэтому, прежде чем приступить к анализу семантики и употребления модального глагола *skulle*, необходимо 1) разобраться, как соотносятся между собой семантические и функциональные категории, к которым могут относиться значения сочетаний с данным глаголом, а также 2) по возможности обобщить уже описанные свойства модальных глаголов (в частности, модальных глаголов в норвежском языке).

1.1 Модальность. Модальные значения

Большинство исследователей сходятся в том, что модальность является языковой универсалией [ЛЭС, Касевич 1988: 74], то есть эта группа значений в том или ином виде представлена во всех естественных языках. Несмотря на это, едва ли существует закрепившееся определение того, какие именно значения относятся к модальным.

С.Т. Нефедов отмечает, что, хотя среди ученых до сих пор не сложилось единого представления о модальности, можно выделить ряд касающихся ее положений, в отношении которых сходятся большинство исследователей:

1. Модальность противопоставляется пропозиции. В работе «Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке» С.Т. Нефедов пишет, что в современной лингвистике в семантической структуре предложения обычно выделяют «семантическую

константу», то есть пропозицию, и «вариативную составляющую» [Нефедов 2007: 30]. Под пропозицией Нефедов понимает «постоянный компонент семантики предложения». На пропозицию накладывается «модусный компонент», который «квалифицирует пропозицию». Модальность «всегда относится к переменной, модусной части высказывания, которая отражает “подключение” пропозиции к речевой ситуации и к говорящему человеку».

2. Модальность является семантико-прагматической категорией.

3. Для выражения модальных значений используются разнородные средства, принадлежащие различным уровням того или иного языка. Неоднородность, как с точки зрения относимых к ней значений, так и с точки зрения способов их выражения – основная особенность модальности как семантической категории. Нефедов отмечает, что языковые способы выражения модальности обладают «различной степенью эксплицитности при выражении модального смысла: от наиболее эксплицитного способа в виде расчлененного представления диктума и модуса в составе сложноподчиненного предложения...или вводной синтагмы...до морфологических форм глагольного наклонения и интонации» [там же, с 19].

К основным сущностным признакам модальности Нефедов относит также «ориентированность на автора речи (говорящего); проявление на уровне высказывания».

Авторы труда «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» отмечают, что существует распространенная характеристика модальности как некой «категории, характеризующей отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего». Однако эта характеристика является неопределенной и лишена четкой структуры [Бондарко и др. 1990: 59, Вдовина 2012: 8]. Кроме того, она совпадает с тем, как в «Теории функциональной грамматики» трактуют более широкое понятие «актуализационной категории».

Сам термин «модальность» восходит к формальной логике, где под ним понимается деление суждений на ассерторические (суждения действительности), проблематические (суждения возможности) и аподиктические (суждения необходимости). На это накладывается классификация суждений по признаку «достоверные – вероятные». Эти два фактора определяют смысловую область модальности [Бондарко и др. 1990: 64]. Важно, однако, понимать, что на настоящий момент логика и лингвистика существенно разошлись по своему понятийному аппарату [Касевич 1988: 63] и многие термины в лингвистике лишились однозначности.

Шарль Балли – первый, кто предложил разделять информацию в любом предложении на «диктум» и «модус», где под «диктумом» понималось «говоримое», то есть объективная часть высказывания, а под «модусом» – способ подачи говоримого, отношение говорящего к суждению, выраженному в «диктуме». «Балли определяет модальность как активную мыслительную операцию, производимую говорящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме» [ЛЭС]. Позднее, содержание высказывания стали разделять на модальный показатель и пропозицию, «что примерно соответствует «модусу» и «диктуму» в терминологии Шарля Балли» [РКГ]. Таким образом, под модальностью стали понимать значения, не выраженные в диктуме.

В самом широком смысле к модальности относят значения реальности/нереальности, возможности/необходимости/желательности, коммуникативной установки высказывания, утверждения/отрицания, эмоциональной и качественной оценки сообщаемого в высказывании, засвидетельствованности (эвиденциальности) [Бондарко и др. 1990: 59 и далее].

Наиболее узко модальность определяется И. А. Мельчуком. В «Курсе общей морфологии» [Мельчук 1998: 212 и далее] исследователь трактует модальность как категорию грамматическую, чем и объясняется ее узость. Модальность является, по мнению исследователя, «признаком глагола». О модальности глагола можно говорить, когда глагол выражает модальное значение и обладает «набором сочетаемостных свойств, типичных для других глаголов языка, выражающих модальное значение». Модальность понимается как «категория, граммы которой выражают модальные семантические отношения между подлежащим и фактором F, обозначаемым данным глаголом». К модальным значениям Мельчук относит только три: «хотеть», «мочь», «быть должным», причем второе и третье выводятся из первого.³

Одно из наиболее полных описаний модальности как семантической категории предлагает В.А. Плунгян [Плунгян 2011: 423 и далее]. Он признает отсутствие у модальных значений «единого понятийного центра», однако отмечает, что таких центров можно выделить два: 1. отношение говорящего к описываемой ситуации, «оценка»; 2. статус ситуации по отношению к реальному миру, «ирреальность». Модальные значения, таким образом, делятся на «**оценочную модальность**» и «**ирреальную**».⁴

К оценочной модальности, в частности, исследователь относит **эпистемическую** модальность (оценка степени правдоподобности сообщаемого с точки зрения говорящего). В этом случае возможно два типа значений: а) **прогнозирование вероятности** ситуации и б) **показатель соответствия эпистемическому ожиданию**. Значение эпистемической неожиданности (то есть удивление, несоответствие эпистемическому

³ «Хотеть» понимается как базовая категория. «Мочь» можно объяснить как «если хочет, то делает»; «быть должным» - не может не делать.

⁴ Несмотря на то, что модальные значения подразделяются на два типа в большинстве работ, единой терминологии в отношении этих групп еще не выработано. Терминам «оценочная» и «ирреальная» модальность, описанным у Плунгыана, примерно соответствует «субъективная» и «объективная» модальность, выделяемая некоторыми отечественными учеными. [Касевич 1988], [Шатуновский 1996].

ожиданию) часто выделяется в отдельную категорию **миратива** (или адмиратива).

К ирреальной модальности относятся значения, описывающие модальность «альтернативного мира», который существует в сознании говорящего.

Основные значения ирреальной модальности – **возможность** и **необходимость**. И возможность, и необходимость могут быть как **внешними**, так и **внутренними**. Первые обусловлены какими-то внешними обстоятельствами, а вторые – соответственно способностью или потребностью самого субъекта.

Разновидностью ирреальной модальности является **имплицативная** модальность. Она описывает возможность, «реализация которой зависит от определенного фактора». Это значение соответствует главной части условного предложения.

В.А. Плуноян полагает, что значения оценки и ирреальности сближаются в зоне значений **желания**, так как оно является переходным между оценочной и ирреальной модальностью. Оттенок значения модальности желания – **интенциональность**, то есть намерение, «активное желание». Исследователь отмечает, что «грамматикализованные показатели интенциональности являются одним из самых распространенных способов получения форм будущего времени».

Наклонение Плуноян понимает как «грамматикализованную модальность», то есть как один из способов выражения модальных значений.

Существует ряд различий между оценочной и ирреальной модальностью.

1. Ирреальная модальность устанавливает «тип отношений между предикатом и его аргументами», в то время как оценочная модальность описывает отношение «между модальным субъектом – источником оценки – и пропозицией в целом» [Касевич 1988: 73]. Из этого следует, что значения

оценочной модальности выражены во «внешней модальной рамке», а значения ирреальности - во «внутренней». Таким образом, значения оценочной модальности способны накладываться на ирреальную, но не наоборот. На это существенное различие также указывают некоторые зарубежные исследователи [Eide 2002: 334].

2. В предложениях с оценочной модальностью временной показатель привязан к пропозиции, в то время как при ирреальной модальности «временные операторы наслаиваются на пропозицию...уже включенную во внутреннюю модальную рамку» [Касевич 1988: с. 74]. И.Б. Шатуновский отмечает, что именно показатели онтологической возможности (то есть имеющие отношение к ирреальной модальности) «свободно изменяются по времени». В подтверждение этого он приводит цитату А. Д. Шмелева и Т.В. Булыгиной: «онтологическая возможность имеет место в прошлом, настоящем и будущем...что же касается эпистемической возможности...сама ее проблематичность имеет место в момент, когда делается соответствующее высказывание» [цит. по Шатуновский 1996: 172].

Спорным остается вопрос о том, считать ли целевую установку высказывания (иллокутивную интенциональность) модальным значением. Так, авторы русской корпусной грамматики [РКГ] объединяют эту группу значений под термином «иллокутивная модальность». Они мотивируют это тем, что иллокутивная цель высказывания выражается в том числе наклонением, а значения наклонения – модальные. «В самом деле, если причислить к сфере модальности объективную и субъективную модальность, то и иллокутивную нужно включить туда же: императив, как и индикатив, – это наклонение, а значение наклонения – это модальное значение».

С. Т. Нефедов, напротив, указывает на «необходимость и целесообразность разграничения коммуникативной и модальной составляющей в прагматической структуре высказывания» [Нефедов 2007: 24 и далее].

Несмотря на это, исследователь признает сходство между данными категориями, основанное на «присущем им обоим антропоцентрическом характере». Основанием для разграничения модальности и «иллокутивной интенциональности» становится различие в их «целевой направленности». «Модальность ориентирована на оценку ...говорящим своих собственных ментальных, волитивных и эмоциональных состояний, а иллокутивная интенциональность... - на партнера по коммуникации... на воздействие на поведение другого».

В зарубежной лингвистике существенный вклад в понимание модальности и определение границ данной семантической категории внес Ф.Р. Палмер. В работе «Наклонение и модальность» [Palmer 1986: 1] исследователь замечает, что категория модальности тесно связана с категориями времени и аспекта, и что значения всех трех, как правило, выражены в предложении глагольным комплексом. Анализ модальных значений Палмер начинает с выделения противопоставления **реалис – ирреалис**. Чтобы определить эти значения, Палмер приводит цитату М. Митхан (Marianne Mithun): «Реалис представляет ситуации как актуальные, случившиеся или случающиеся, информация о которых получена говорящим непосредственно. Ирреалис представляет ситуации как не выходящие за пределы мыслимого, постигнутые исключительно воображением⁵». Сам автор уточняет, что значения **реалиса** и **ирреалиса** выражаются в языках, как правило, индикативом и конъюнктивом (изъявительным и сослагательным наклонением) соответственно. Наиболее точным определением сферы использования маркеров реалиса автор считает высказывания, в которых о пропозиционной ситуации что-либо утверждается (констатируется) [там же, с 3]. Отсутствие утвердительности ведет к маркированию ситуации как ирреальной. Кроме того, «прошедшее и

⁵The realis portrays situations as actualized, as having occurred or actually occurring, knowable through direct perception. The irrealis portrays situations as purely within the realm of thought, knowable only through imagination.

настоящее время обычно маркируются как реалис, а будущее - ирреалис» [там же, с.5] (о соотношении категорий времени и модальности см. 1.2).

Далее, Палмер делит модальные значения на **«пропозиционную»** и **«событийную»** модальность⁶. Пропозиционная модальность оценивает изложенное в пропозиции содержание с точки зрения его истинности. Сюда Палмер относит значения **эпистемической оценки и эвиденциальности (засвидетельствованности)**. Таким образом, пропозиционная модальность примерно соответствует тому, что Плулунгян называл оценочной, за исключением того, что отечественные ученые, скорее, склонны разделять модальные и эвиденциальные значения как относящиеся к различным категориям. К событийной модальности Палмер причисляет значения, которые характеризуют пропозицию как мыслимую, как *«события, которые не произошли, но возможны»⁷*. Сюда он относит значения **деонтический и динамической** модальности. Основным различием между последними двумя значениями является то, что *«Деонтическая модальность включает такие значения, как долженствование или разрешение, идущие извне, в то время как динамическая модальность относится к возможностям или воле самого человека»⁸* [там же, с 9].

Палмер называет и другие значения, которые также возможно отнести к модальным: 1) **предположение или допущение**; 2) **вопросительность и отрицание**; 3) **желания, страхи и т.д.**, находящиеся на границе деонтической и эпистемической модальности.

Исследователь отмечает, что модальные «системы» в языке сложны и лишены упорядоченности по нескольким причинам. 1. Одни и те же показатели и формы могут использоваться для выражения значений разных групп

⁶propositional and event modality

⁷events that have not taken place but are merely potential

⁸Thus deontic modality relates to obligation or permission, emanating from an external source, whereas dynamic modality relates to ability or willingness, which comes from the individual concerned.

модальных значений (так, например, модальные глаголы в германских языках выражают как эпистемическую, так и деонтическую модальность) или других семантических категорий. 2. Семантически идентичные категории (или значения) могут относиться к различным системам в разных языках. 3. Не существует однозначного соответствия между системами форм и семантическими категориями. Все это, несомненно, затрудняет анализ модальной системы того или иного языка.

Как мы видим, существование двух основных семантических центров в категории модальности признается большинством исследователей. В норвежском языкознании, как правило, говорят о существовании эпистемической и деонтической модальности. Такой точки зрения придерживаются, в частности, авторы работы «Введение в грамматику норвежского» [Enger, Kristoffersen 2000: 206]. Они также выделяют два подзначения деонтической модальности – долженствование и разрешение⁹. Любопытно, что исследователи не упоминают глагол *skulle* среди средств выражения деонтической модальности, хотя анализ нашего материала позволяет предположить, что *skulle* регулярно выражает эти значения. Среди значений, относящихся к категории эпистемической модальности, исследователи называют необходимость и возможность.

В [Næss 2011: 169] модальность определяется как «функция наклонений». Исследовательница отмечает, что модальность охватывает целый ряд различных значений, в частности, отношение к излагаемой в пропозиции информации и тип высказывания: «идет ли речь о приказе, пожелании или чем-либо еще». Модальные значения она также разделяет на эпистемические и деонтические. Эвиденциальность исследовательница причисляет к эпистемической модальности. Таким образом, Нэсс относит к модальным значениям и значение эвиденциальности, и целевую установку высказывания, то есть категория модальности трактуется довольно широко. Нэсс отмечает,

⁹forplikting og tillating

что норвежские модальные глаголы способны выразить оба типа модальных значений (деонтическую и эпистемическую модальность).

Все это позволяет сделать вывод о том, что модальность как семантическая категория и средства ее выражения не представляют собой структурированной системы в языке, а взгляды исследователей на данную категорию существенно расходятся.

1.2 Темпоральные и модальные значения

Поскольку модальные глаголы часто используются как вспомогательные при образовании различных временных форм смыслового глагола, необходимо рассмотреть основные темпоральные значения, которые сочетания с модальными глаголами способны передавать. Прежде всего, стоит отметить, что семантические поля модальности и темпоральности представляют собой континуум, то есть те или иные значения, как правило, невозможно с однозначностью отнести к одной из этих категорий. Так, например, далее будет подробнее рассмотрено значение некоторых форм будущего времени, в которых можно выделить семантические компоненты собственно футуральности (то есть отнесенности к будущему), различных оттенков долженствования и, как следствие, ирреальности (долженствование подразумевает, что желаемое положение вещей еще не достигнуто, то есть не реально). Кроме того, модальность и темпоральность тесно связаны как с точки зрения близости отдельных значений, так и благодаря связи между средствами их выражения.

Во-первых, зачастую средства выражения модальных значений грамматикализуются как темпоральные показатели. Например, многие исследователи отмечали, что формы будущего времени по происхождению зачастую являются сочетаниями, выражающими модальность желания или интенциональность. Ю. П. Князев писал, что «потенциальная осуществимость прогнозируемой ситуации» объединяет средства выражения

«желаний, намерений, возможности, долженствования» с будущим временем. «Не случайно грамматикализация лексических показателей намерения и долженствования относится к числу наиболее типичных источников форм буд. вр. в языках мира» [Князев 2007: 148]. Схожая точка зрения высказана, в частности в [Плунгян 2011: 423 и далее].

Во-вторых, возможна и обратная ситуация. Так, формы не-настоящего времени часто переосмысляются как способ выражения ирреального. Значения форм будущего времени сближают «со значениями косвенных наклонений и вообще косвенных модальностей» [Князев 2007: 148]. Это связано с тем, что будущее событие еще не произошло, соответственно противопоставление реальность/ирреальность неприменимо по отношению к нему – описанное будущим временем положение вещей по определению ирреально. О гипотетичности будущего также см. [Смирницкая 1977: 119]. Что касается действий, в отношении которых использованы формы прошедшего времени, то «в силу того, что такое действие в момент речи уже не имеет места, сообщение о нем может включать ту или иную долю предположительности» [Князев 2007: 149]. Е. М. Чекалина, изучавшая грамматические категории и формы глагола на материале шведского языка, указывала, что употребление форм претерита и плюсквамперфекта со значением нереальности «является результатом модально-временного сдвига на основе системной транспозиции дейктического значения разобщенности с актом речи, предполагающего неактуальность описываемых событий для говорящего» [Чекалина 1993].

1.3 О способах выражения темпоральных и модальных значений в норвежском языке

Как было отмечено в 1.2, показатели модальных значений интенциональности и желания являются одним из основных источников форм будущего времени. Говоря об эволюции временной системы в германских языках, О. А. Смирницкая указывает, что «мотивированность

футурального значения модальным способствует выделению и распространению футуральных сочетаний, но препятствует их обособлению» [Смирницкая 1977: 108]. Иными словами, формы настоящего времени модальных глаголов начинают использоваться применительно к событиям, относящимся к будущему, однако парадигматизация футурума при этом может не происходить, так как модальное значение остается в данных формах основным. Они просто используются в отношении будущих событий, но не являются полноценными и обособленными формами будущего времени. При этом исследовательница подчеркивает, что грамматикализации в своем футуральном значении подвержены в первую очередь формы, где модальная мотивированность является наименьшей, чем и объясняется «закрепление вспомогательного *shall* за 1 л., а *will* – за 2-3 л. в английском языке».

Аналогичная тенденция прослеживается в норвежском языке. Если субъект – 1 лицо, то сочетание инфинитива со вспомогательным глаголом *skulle* будет, скорее, воспринято, как форма будущего времени, в то время как при субъекте 2-го и 3-го лица аналогичная форма с большей вероятностью будет трактоваться как выражающая деонтическое долженствование, так как модальное значение необходимости при субъекте 2-го и 3-го лица оказывается навязанным извне, а, следовательно, более ярко выраженным.

Процесс парадигматизации футурума связывается исследователями с выделением кондиционалиса¹⁰, то есть «функциональным размежеванием» [Смирницкая 1977: 109] презентной и претериальной форм вспомогательного глагола. Суть процесса парадигматизации заключается в том, что модальный глагол в прошедшем времени (в случае норвежского языка **skulle** или **ville**) начинает восприниматься как вспомогательный при образовании форм кондиционалиса, а в настоящем времени (**skal** и **vil**, соответственно) – как вспомогательный при образовании будущего времени. Грамматикализация

¹⁰Под кондиционалисом в данной работе будет пониматься «аналитическая форма, представляющая собой сочетание вспомогательного глагола будущего времени в претерите ... с инфинитивом», которая «используется в функции сослагательного наклонения» в германских языках [Михайлова 1986: 30].

модального глагола в роли вспомогательного может постепенно привести к ослаблению собственного модального значения глагола, а темпоральное противопоставление форм настоящего и прошедшего времени (Han **skal gjøre** det – Han **skulle gjøre** det – Он *должен сделать это* - Он *должен был сделать это*) сменяется модальным (Han **skal gjøre** det- Han **skulle gjøre** det– Он *сделает это* - Он *сделал бы это*). Так, например, подобный процесс произошел в английском языке, где формы настоящего и прошедшего времени глаголов will (would) и shall (should) разошлись по своим функциям настолько, что практически не воспринимаются как формы одного и того же глагола, а лексическое (модальное) значение глаголов почти полностью нейтрализуется. В норвежском языке сохраняется темпоральное противопоставление **skal-skulle/ vil-ville**.

Говоря о причинах того, что на место флективного конъюнктива приходит кондиционалис, по своему происхождению всегда являющийся формой будущего в прошедшем (если таковая имеется в системе языка), И. М. Михайлова указывает на «семантическую общность между будущим к прошлому и кондиционалисом» [Михайлова 1986: 36]. «Оба они противопоставлены основному значению индикатива как а) по модальному, так и б) по временному признаку»: относительно действия, выраженного «будущим к прошлому» говорящий не знает, действительно ли оно совершилось «или только должно было совершиться», то есть реальность действия ставится под вопрос, а «о времени протекания действия будущего к прошлому говорящий ничего не знает; в сфере ирреалиса значение времени также ощутимо ослаблено».

В норвежском языке полной парадигматизации кондиционалиса и форм будущего времени не произошло. Вследствие этого:

1. будущее время в норвежском языке является модальным, так как вспомогательные глаголы (**skulle/ ville**) сохраняют часть своей лексической семантики;
2. наблюдается омонимичность форм, выражающих различные темпоральные и модальные значения.

Основным фактором, влияющим на то, какое именно значение формы с модальным глаголом реализуется в конкретной ситуации, несомненно, является контекст.

1.3.1 Использование модальных глаголов как вспомогательных при образовании форм будущего времени в норвежском языке

Тот факт, что модальный глагол, использующийся как вспомогательный для образования форм будущего времени, сохраняет свою лексическую (модальную) семантику, отмечался и норвежскими исследователями. Осхильд Нэсс (Åshild Næss) подчеркивает, что *«трудно отличить формы, относящиеся к будущему, от выражения, например, возможности, желания или гипотетического положения вещей¹¹»* [Næss 2011: 158]. Ярле Ренховд (Jarle Rønhovd) [Rønhøvd 2005: 78] склонен различать модальные и футуральные синтагмы (т.е. сочетания модальных глаголов с инфинитивом), однако отмечает, что модальные глаголы, употребленные в качестве вспомогательных при образовании форм будущего времени, сохраняют часть лексического значения. В устной речи модальное значение вспомогательного глагола усиливается, если на глагол делается ударение, отмечает исследователь. Таким образом, интонация также становится одним из способов выражения модальных значений. В книге *«Норвежская грамматика: риксмол и умеренный букмол»* [Coward 2013: 34] указывается, что *«поскольку эти глаголы (**skulle, ville** – прим. автора) также имеют модальное значение – долга и желания соответственно – они используются*

11[□]...det er vanskelig å skille ren framtidreferanse fra for eksempel muligheter, ønsker eller hypotetiske tilstander.

для образования будущего времени только в том случае, если это не противоречит их модальному значению¹²». Авторы грамматики также замечают, что вспомогательный глагол **skulle** используется, в основном, с одушевленным подлежащим¹³. Если же субъект не может обладать собственной волей, обычно используется вспомогательный глагол **ville**.

1.3.2 «Кондиционалис» и «будущее в прошедшем» в норвежском языке

Как уже было отмечено выше, парадигматизация форм будущего времени и кондиционалиса как формы, выражающей ирреальное положение вещей – параллельные процессы. Несмотря на это, большинство норвежских ученых признают существование более или менее устоявшихся форм футурума в норвежском языке [Coward 2013: 22; Rønhovd 2005: 78]¹⁴, в то время как положение кондиционалиса в грамматической системе норвежского языка представляется несколько неопределенным.

В сочетании *skulle/ville + inf* различные компоненты могут выражать различные значения. Так, форма претерита, как уже отмечалось выше, может иметь темпоральное значение предшествования моменту речи, а может выражать ирреальность описываемой ситуации. Так же и у модального глагола на передний план может выходить или темпоральная семантика (значение футуральности), или лексическое значение (деонтическое долженствование). Различные комбинации этих семантических элементов в зависимости от контекста могут выражать, как минимум, три значения.

1. Модальный глагол выражает долженствование, а форма претерита указывает на то, что описываемое положение вещей относится к прошлому:

12[□]...fordi disse verbene også har et annet ”modalt” betydningsinnhold, henholdsvis av plikt og vilje, brukes de til å danne futurum bare når det ikke kommer i konflikt med deres modale betydningsinnhold.

13[□]personlig subjekt

14[□]Впрочем, некоторые исследователи выделяют в системе норвежского языка только 2 основных времени: пресенс (не прошедшее время) и претерит (прошедшее). Такая точка зрения отражена, в частности в [Enger, Kristoffersen 2000: 207]. Это является еще одним доказательством неполной парадигматизации футурума. Исследователи указывают и на то, что значение будущего времени передается по сути формами настоящего.

Hva skulle han si ? TR s. 39	Что он должен был сказать?
--	-----------------------------------

2. Форма *skulle* является претериальным трансформом формы *skal* в косвенной речи, где она подчинена глаголу говорения в прошедшем времени.

Og hvem var det du skulle hente , sa du? TR s. 40	А вы за кем едете-то , вы сказали?
--	---

Этот случай стоит рассмотреть отдельно, так как открытым остается вопрос, насколько «понижение» времени в косвенной речи сказывается на значении высказывания. В [Eide 2003: 125] приводится мнение о том, что временные формы, продиктованные согласованием времен, не являются «реальным» временем. Оно не относит пропозицию к какому-либо конкретному моменту, а лишь маркирует подчиненный статус сказуемого. Однако на практике возможны случаи, когда согласования времен в косвенной речи не происходит. Это указывает на то, что использование той или иной формы продиктовано не исключительно формальными причинами и что «понижение» времени несет определенное значение. Сама автор считает, что сохранение настоящего времени в подчиненной части указывает на актуальность изложенной в ней информации на момент настоящего сообщения, в то время как прошедшее время сигнализирует о том, что описываемое положение вещей имело место до момента речи. Помимо темпорального значения прошедшему времени в аналогичных ситуациях приписывается и модальное. Свейн Ли [Lie 1990: 45] пишет, что «*в косвенной речи мы используем прошедшее время в тех случаях, где в немецком языке используется конъюнктив I¹⁵*». Но значение конъюнктива I в немецком языке лежит на границе эвиденциальности и эпистемической модальности. Данная форма маркирует неличный доступ к изложенной в пропозиции информации. Говорящий таким образом снимает с себя ответственность за описанное в пропозиции. По-видимому, аналогичное значение форма прошедшего времени имеет и в норвежском.

¹⁵ I indirekte tale bruker vi preteritum der tysk bruker presens konjunktiv

3. Сочетание *skulle* с инфинитивом или перфектным инфинитивом выражает ирреальную ситуацию, т.е. является формой кондиционалиса. Ю. П. Князев определял основную сферу употребления кондиционалиса как «условные конструкции, выражающие зависимость реализации одной ситуации от другой ситуации» [Князев 2007: 147]. То, что основная область применения кондиционалиса – условные предложения, отражено в самом названии. Подобное употребление данной формы проиллюстрировано и в норвежских источниках [Rønhovd 2005: 80], однако там же приводится пример использования данной формы в свободном предложении:

Kva var det eg skulle ha sagt ?	<i>Что же я должен был сказать?</i>
--	-------------------------------------

Этот пример позволяет предположить, что сфера употребления данной формы в норвежском языке шире, чем просто главная часть условных предложений. Стоит отметить, что автор книги говорит о модальном значении кондиционалиса II, то есть форм с *перфектным* инфинитивом.

Как правило, исследователи включают форму кондиционалиса в систему времен. Ни в одном из изученных исследований кондиционалис не был рассмотрен как форма косвенного наклонения. Более того, в современной норвежской лингвистике за формой **skulle/ ville + inf** закрепляется обозначение «preteritum futurum» то есть «*будущее прошедшее*» [Coward 2013: 22] вместо «1. kondisjonalis» - «*кондиционалис I*». На наш взгляд, такое обозначение подчеркивает идентичность форм, означающих будущее к прошедшему и ирреальность, однако при этом оказывается утерянным указание на их функциональное различие. В частности, авторы книги «*Норвежская грамматика: синтаксис и морфология с норвежским в центре*» [Åfarli, Sakshaug 2006: 217] пишут: «*Если мы хотим выразить другие временные (подчеркнуто мною – Е.С.) отношения, как будущее время или кондиционалис, то для этого в норвежском нет специальных*

глагольных форм, и мы используем аналитические формы¹⁶». Утверждение о том, что кондионалис выражает именно временные отношения, отражает тот факт, что модальное и темпоральное употребления данной формы не дифференцируются исследователями. Причиной этого является, вероятно, то, что индикатив и формы наклонения, выражающие ирреальные ситуации, оказываются в норвежском формально не противопоставлены. Такая позиция представляется сомнительной, так как значение ирреальности у данного сочетания является не менее важным, чем значение будущего по отношению к моменту в прошлом. Некоторые исследователи все же признают, что форма кондионалиса передает не только временное значение [Coward 2013: 35], и отмечают, что основная сфера его употребления – действие, выполнение которого зависит от реализации определенных условий. Однако описана данная форма в разделе о временах. Далее, в разделе о наклонениях, исследователи указывают, что синтетические формы конъюнктива в норвежском практически не употребляются, а среди средств выражения «ирреального в широком смысле» приведено использование форм прошедшего времени, особенно модальных глаголов с «понижением времени» (то есть использование претерита о моменте в настоящем).¹⁷ При этом сочетания с модальными глаголами в таком значении не названы кондионалисом, который, таким образом, относится исследователями к системе времен, а не наклонений. Ярле Ренховд, [Rønhovd 2005: 72], впрочем, замечает, что значение модальных глаголов «близко значению косвенных наклонений¹⁸».

В формах кондионалиса, то есть конструкции **skulle/ville +inf** в качестве инфинитива может выступать: 1) инфинитив смыслового глагола без

16[]]Når vi på norsk skal uttrykke andre tidsforhold som futurum og kondisjonalis, har vi ikkje egne verbformer for det, men nyttar i staden samansatte verbformer.

17[]]Men for Å uttrykke det i vid forstand uvirkelige brukes nå vanlige preteritums – og pluskvamperfektumsformer med forskyving av tid... særlig av modalverb.

18[]]..ei hel gruppe verb som har eit innhald som ligg nær det vi finn ved moduskategorien.

инфинитивной частицы; 2) перфектный инфинитив (**ha + прич. II смыслового глагола**); 3) глагол **ha** может опускаться. В первом случае говорят о форме kondisjonalis I (кондиционалис I), во втором и третьем – kondisjonalis II (кондиционалис II). Я. Ренховд пишет, что основным значением формы кондиционалис I является будущее в прошедшем [там же, с. 77]. Значение формы кондиционалис II он описывает как «*действие, которое будет завершено к моменту в будущем относительно момента в прошлом*¹⁹», но отмечает, что у этого сочетания может быть и модальное значение. Е.М. Чекалина, занимавшаяся изучением конструкций с модальными глаголами на материале шведского языка, замечает, что подобные конструкции с инфинитивом и перфектным инфинитивом различаются не по временному признаку, а по «содержанию модальности предикации». То есть сочетание с инфинитивом «передает внутреннюю модальность названного в инфинитиве процесса, который выступает как потенциально возможный, предположительный, допустимый и лишь в этом смысле является нереальным», в то время как сочетания с перфектным инфинитивом указывают на «противоречие между тем, что высказывается и действительным положением вещей» [Чекалина 1986: 50]. В таких случаях представляется оправданным использование терминов «позитивная» и «негативная» ирреальность, которые были предложены в [Касевич 1988: 72]. «Негативная ирреальность» подразумевает акцент на том, что описанное в пропозиции положение вещей не соответствует действительности, в то время как «положительная ирреальность», скорее, подчеркивает потенциальную осуществимость описанной ситуации. Предварительный анализ материала позволяет предположить, что подобное положение вещей (оппозиция **skulle + инфинитив** для выражения «позитивной» модальности/ **skulle + перфектный инфинитив** для выражения неосуществимого) имеет место и в норвежском языке. Одной из задач данной работы также является анализ частотности употребления конструкций **skulle + перфектный инфинитив** с

¹⁹Dette syntagmet gjev uttrykk for ei handling some er ferdig i framtida og som blir sett frae it tidspunkt i fortida.

опущением вспомогательного **ha** и возможная связь эллипсиса со значением конструкции.

1.4 Значение эвиденциальности

К семантической зоне эвиденциальности (также называемой «засвидетельствованность») относятся «показатели, указывающие на источник информации о сообщаемой ситуации; иначе – на путь доступа говорящего к информации» [Падучева 2013].

Несмотря на то, что в некоторых работах эвиденциальность рассматривается как одно из модальных значений [Бондарко и др. 1990: 59; Palmer 1986: 35], в современной отечественной лингвистике (см. Русская корпусная грамматика [РКГ]), скорее, принято разделять эвиденциальные и модальные значения. Тем не менее, исследователи соглашаются с тем, что эти категории являются смежными.

А.В. Плунгян предлагает классифицировать эвиденциальные значения по следующим признакам [Плунгян 2011: 463]:

- а) принимал ли говорящий непосредственное участие в описываемой ситуации (прямой/не прямой доступ к информации);
- б) имел ли говорящий личный доступ к информации (личный/не личный доступ к информации).

Не прямой, но личный доступ к информации подразумевает, что говорящий не был непосредственным свидетелем описываемого события, но составил о нем собственное мнение на основе каких-либо косвенных признаков.

Категория эвиденциальности связана с эпистемической модальностью, так как первая определяет источник информации, а вторая оценивает степень достоверности информации с точки зрения говорящего. Однако важно понимать, что отсутствие личного доступа к информации не всегда подразумевает, что говорящий считает ее недостоверной.

Как уже было отмечено в 1.1, в норвежской лингвистике эвиденциальность зачастую описывают как одно из значений эпистемической модальности. В [Næss 2011: 166] указано, что *«одной из функций модальных глаголов как раз является указание на степень достоверности, с которой мы излагаем что-либо, другими словами – как мы узнали о том, о чем говорим²⁰»*. Такая формулировка показывает, что исследовательница не признает принципиального различия между значениями эпистемической модальности и эвиденциальности. Для настоящей работы важно замечание о том, что эвиденциальные значения в норвежском передаются в том числе с помощью модальных глаголов.

1.5 Иллокутивный компонент высказывания

В статье «Что такое речевой акт?» Дж. Р. Серль утверждает, что «с семантической точки зрения мы можем различать в предложении пропозициональный показатель (indicator) и показатель иллокутивной функции» [Серль 1986]. В работе «Языковая концептуализация мира» Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев указывают, что под иллокутивной силой высказывания понимается «воздействие, оказанное на адресата», его способность вызвать «изменение состояния или поведения». Исследователи также отмечают, что в теории речевых актов производится различие «прямых» и «косвенных» актов. В качестве примера косвенного речевого акта они приводят предложение «Вы не могли бы передать мне соль?», которое функционирует как просьба, хотя синтаксически является вопросом. С точки зрения синтаксиса предложения подразделяются по цели высказывания на повествовательные, вопросительные и побудительные. Что же касается речевых актов, то «первичным и основным» является подразделение высказываний на вопросы, побуждения и сообщения. [Булыгина, Шмелев 1997: 250].

²⁰En av funksjonene til norske modale hjelpeverb er nettopp å angi graden av sikkerhet vi uttaler oss med – med andre ord hvordan vi vet det vi snakker om

Таким образом, прагматическое значение того или иного предложения зачастую может не соответствовать его синтаксической форме. Это позволяет некоторым исследователям говорить о «косвенных» речевых актах или о «вторичной» функции высказывания.

Зачастую «вторичной» функцией обладают именно высказывания с модальными глаголами (см. [Корди 1990a]).

1.6 Модальные глаголы в норвежском языке

Анализ исследовательской литературы показал, что наиболее распространенным способом определения модальных глаголов является их перечисление. Несмотря на то, что список модальных глаголов в норвежском языке несколько варьируется, *skulle* включается в него во всех рассмотренных работах. Это указывает на то, что данный глагол, несомненно, является модальным.

Модальные глаголы в норвежском языке обладают рядом особенностей, которые сближают их с аналогичным классом слов в других германских языках. С точки зрения формы: 1) прототипические модальные глаголы являются претерито-презентными; 2) они лишены формы причастия I²¹. С точки зрения синтаксиса: 3) они управляют инфинитивом и перфектным инфинитивом без инфинитивной частицы (*å*). С точки зрения семантики: 4) одни и те же глаголы способны выражать различные модальные значения, а также значения пересекающихся с модальностью семантических категорий; 5) в конкретных речевых ситуациях на передний план может выходить лексическое или грамматическое значение глагола.

В то же время, есть целый ряд признаков, которые отличают модальные глаголы норвежского от других языков.

²¹ Несмотря на то, что эта форма не употребляется в речи, некоторые словари приводят ее как теоретически возможную [NOB].

Во-первых, модальные глаголы в норвежском языке имеют неличные формы: причастие II и инфинитив. Важно отметить, что в эвиденциальном и эпистемическом значении форма причастия II не используется, несмотря на то, что употребление инфинитива в такой ситуации возможно [Eide 2002: 13]:

De påstås å skulle ha reist .	<i>Говорят, будто бы они уехали.</i>
--------------------------------------	--------------------------------------

Во-вторых, норвежские модальные глаголы существенно отличаются от аналогичного класса слов в других языках по своим синтаксическим свойствам, однако данные отличительные особенности реализуются, только если значение глагола в данном случае не эвиденциальное или эпистемическое. Например, модальные глаголы в норвежском способны присоединять не только глагольные комплексы [там же, с.28]:

Det eneste du skal , er å legge deg.	<i>Единственное, что тебе надо, так это лечь.</i>
---	---

Помимо выделительной конструкции с *det* модальные глаголы способны присоединять: 1) местоимение *det* в том случае, если оно не заменяет какой-либо объект; 2) сочетание предлога с существительным или наречие, как правило, указывающие направление.

Последний случай необходимо пояснить отдельно. Несмотря на то, что опущение смыслового глагола зачастую объясняют экономией языковых средств или *небрежным отношением к языку*²² [Coward 2013: 36], отдельные ученые отмечают, что конструкции со смысловым глаголом и без него имеют разное значение [Kristoffersen et al. 2011: 72]. Сочетание модального глагола с наречием направления или существительным с предлогом выражает деонтическое значение (степень необходимости или возможности) в отношении цели, выраженной наречием, в то время как сочетание модального глагола с инфинитивом глагола движения указывает на степень необходимости или возможности в отношении не только цели, но и способа

²²slurv

ее достижения. Так, разница в следующих двух предложениях заключается в том, что в первом из них говорится лишь о необходимости добраться до аэропорта, а во втором – о необходимости туда *доехать*.

a. Jeg skal til Gardermoen.	<i>Мне нужно (Я собираюсь) в аэропорт Гардермуэн.</i>
b. Jeg skal reise til Gardermoen.	<i>Мне нужно (Я собираюсь) доехать до аэропорта Гардермуэн.</i>

Исследователи подчеркивают, что такое употребление глаголов возможно, только если 1. модальный глагол выражает деонтическое долженствование или намерение, т.е. значения ирреальной модальности; 2. наречие/ существительное с предлогом указывают *цель*²³.

Кроме того, при употреблении модального глагола с перфектным инфинитивом вспомогательный глагол (**ha**) может быть опущен в том случае, если форма претерита модального глагола выражает ирреальность, а не предшествование по времени [Eide 2002: 26]. Как следствие этого, Эйде утверждает, что сочетание модального глагола с причастием II всегда имеет контрафактическое значение²⁴, однако анализ нашего материала показывает, что на практике ситуация оказывается несколько сложнее.

Норвежский исследователь Ян Энг (Jan Engh) посвятил цикл лекций модальным глаголам и времени в норвежском [Engh 1993]. Энг критикует предлагаемые словарями описания модальных глаголов на том основании, что словари трактуют «*отдельные случаи употребления*²⁵», в то время как научная классификация значений самого глагола в них отсутствует. В связи с этим он приводит три возможных подхода к описанию семантики какого-

23[†]Это делает невозможным предложения типа *Jeg skal **fra** Bergen. - *Мне нужно **из** Бергена.

24[†]Thus, the reading of a modal with a perfect participle complement is always a counterfactual reading in Norwegian.

25[†]Der opererer man med nær sagt en betydning for hver bruksmåte. Men trass i all abstrahering: Det er ikke snakk om noen vitenskapelig klassifisering.

либо модального глагола: 1) представить семантику глагола как ряд отдельных семантических вариантов, каждый из которых закреплен за определенной ситуацией; 2) постараться выделить общее семантическое ядро, семантический компонент, присутствующий во всех употреблениях того или иного модального глагола; 3) признать, что подобное «ядро» в семантике модального глагола выделить невозможно.

Именно последний подход представляется исследователю наиболее верным. Говоря об особенностях семантики модальных глаголов в норвежском языке, Энг утверждает, что они лишены какого-то конкретного значения и представляется, что их значение меняется каждый раз в зависимости от контекста [там же, с.30]. *«Глагол SKAL значит нечто новое при каждом использовании²⁶»* [там же, с.39]. Пользуясь метафорой Витгенштейна, исследователь сравнивает семантику глагола с канатом. *«Ни одна из составляющих канат ниточек не проходит через него от начала и до конца. И все же это один и тот же канат. Ни одно значение не должно быть общим для всех случаев употребления одного и того же модального глагола, и все же у нас как у носителей не возникает сомнения в том, что во всех случаях мы имеем дело с одним и тем же глаголом²⁷»*.

Выводы по главе 1

В любом высказывании можно выделить пропозиционную составляющую, которая является постоянной, и модальный компонент. Модальное содержание «связывает» пропозицию с конкретной речевой ситуацией, выражает отношение говорящего к сообщаемой им информации. К модальным относят такие значения, как: разные оттенки возможности и необходимости, желательность, интенциональность. Большинство исследователей склонны выделять две группы модальных значений.

²⁶ SKAL betyr noe nytt hver gang det blir brukt

²⁷ Ikke noe fiber er med fra begynnelsen av tauet og helt fram til enden. Likevel er det ett tau. Ikke noen betydning trenger i og for seg å være felles for alle forekomster av ett og samme modalverb, men likevel er vi som morsmålsbrukere ikke i tvil om at det er ett modalverb vi har med å gjøre i alle forekomster.

Деонтическая модальность – значения возможности и необходимости, связанные с волей какого-либо субъекта, либо с общепринятыми моральными нормами. Данную группу значений также называют модальностью ирреальности, так как подобные значения подразумевают, что описанное в пропозиции положение вещей не имеет места в действительности. Вторая группа значений – оценочная или эпистемическая модальность – оценка изложенного в пропозиции содержания с точки зрения вероятности.

Эпистемическая модальность пересекается с категорией эвиденциальности – группой значений, указывающих на источник информации. Информация, полученная косвенно, часто предстает менее «реальной», так как говорящий снимает с себя ответственность за нее.

Иллокутивная сила высказывания – то, какое воздействие высказывание должно произвести на слушающего, прагматическое значение высказывания. Цель высказываний с модальными глаголами часто не соответствует типу высказывания, например, вопросительное по форме предложение может функционировать как предложение или побуждение.

Категория модальности пересекается с категорией темпоральности как с точки зрения значений, так и со стороны способов их выражения. Модальные показатели (в первую очередь желания и интенциональности) могут грамматикализироваться как показатели будущего времени. В то же время у временных форм может быть модальное значение. Формы будущего времени обычно маркируются как ирреальные, так как судить о статусе еще не произошедших событий невозможно. Форма прошедшего времени также является распространенным способом выражения значения ирреальности на том основании, что данная форма маркирует отдаленность описываемого события от момента речи.

В норвежском языке нет формы «чистого» будущего времени, будущее время всегда является модальным. Благодаря тому, что в различных контекстах в

семантике сочетаний со *skulle* могут доминировать как темпоральные, так и модальные компоненты значения, возможна омонимия форм, выражающих широкий спектр значений: от деонтического долженствования в прошлом, до значений, аналогичных значению сослагательного наклонения в русском языке.

Модальные глаголы в норвежском языке могут выражать различные модальные значения, а также значения пересекающихся с модальностью семантических категорий. Основным отличием модальных глаголов от других классов слов является их семантика. Значение модального глагола в значительной степени зависит от контекста. В семантике модального глагола, по-видимому, невозможно выделить отдельные лексико-семантические варианты или компонент значения, общий для всех случаев употребления.

Норвежские модальные глаголы имеют ряд синтаксических особенностей, отличающих их от модальных глаголов других языков. Они способны управлять перфектным инфинитивом при опущенном вспомогательном глаголе (**ha**), а также местоимением *det*, наречием или существительным с предлогом (в том случае, если последние выражают направление).

Глава 2. Семантика и употребление глагола skulle

Итак, значение модальных глаголов непосредственно зависит от контекста, в котором глагол был употреблен. В настоящей работе будет проведен анализ употребления модального глагола skulle на материале норвежских романов «Шарлотта Исабель Хансен» Т. Ренберга и «Кровь на снегу» Ю Несбе (Т. Renberg «Sjarlotte Isabel Hansen»; J. Nesbø «Blod på snø»). Именно широкий контекст практически исключает возможность двоякой интерпретации высказываний с модальным глаголом, поэтому в романе легче всего проследить, какие контекстуальные факторы повлияли на реализацию того или иного значения. В обоих романах использован современный норвежский язык. Обилие прямой речи в текстах романов позволяет судить об употреблении глагола skulle в разговорном норвежском.

Анализ значения сочетаний с модальным глаголом проводился параллельно с анализом их перевода на русский язык. Наличие перевода существенно упрощает задачу, так как, предлагая вариант перевода, переводчик демонстрирует свое понимание текста. Кроме того, анализ способов выражения модальных и других значений в русском языке помогал лучше понять семантическую структуру норвежского предложения.

Всего было рассмотрено 315 случаев употребления глагола. Материал для анализа отбирался методом сплошной выборки из 268 страниц норвежского текста, из них 199 случаев употребления в форме претерита skulle (skulle как инфинитив использован только два раза) и 116 употреблений в форме пресенса skal. Наиболее рациональным представлялось отдельно анализировать случаи употребления глагола в разных его формах.

2.1 Частотность форм

Анализ материала показал, что наиболее частой формой исследуемого глагола в романе является форма претерита skulle, несмотря на то, что в

других типах текста форма skal употребляется намного чаще. Этот факт можно объяснить особенностями изложения в романе. Так как повествование в обоих романах ведется в прошедшем времени, события, относящиеся к будущему относительно какого-либо момента действия, регулярно выражаются в романе формой будущего в прошедшем.

Som nå, snart syv år etter sin egen fødsel, skulle få en far. TR s. 32	У которого теперь, уже почти через семь лет после рождения, будет отец.
---	--

Таким образом, данная форма может встречаться в романе не только в придаточных предложениях, где использование формы претерита продиктовано согласованием времен.

Форма инфинитива встретила всего два раза, по одному в каждом из романов. Это указывает на относительную редкость данной формы. Формы с инфинитивом модального глагола примечательны с точки зрения семантики. Дело в том, что в них на собственное значение модального глагола не накладывается значение временной формы. Вследствие этого собственное значение глагола проявляется в них ярче всего. Несмотря на то, что, как было уже отмечено, использование инфинитива модального глагола в эпистемическом значении теоретически возможно (см. стр. 27), в проанализированном материале формы с инфинитивом skulle имеют только значение деонтической модальности с оттенком футурального значения.

«Hvordan føles det,» sa Klein plutselig. « Å skulle ekspedere sin egen sjef?» JN s. 104	– Как ощущения? – внезапно спросил Кляйн. – Тебе же предстоит убрать собственного босса.
...så uttalte han det ikke med den motviljen han følte overfor det å skulle få en datter ,... TR s. 60	...то он произнес его не с той неохотой, которую он чувствовал к тому, что у него будет дочь ,...

Форма причастия II в романах не встретила ни разу.

2.2 Семантика сочетаний со *skulle*

Анализ сочетаний с исследуемым глаголом показал, что, как и утверждал Я. Энг (см. стр. 30), в семантике глагола невозможно выделить дискретные лексико-семантические варианты, закрепленные за тем или иным случаем употребления. Значения глагола, реализующиеся в каждом конкретном случае, зачастую обладают общими смысловыми компонентами, поэтому провести классификацию значений невозможно: они представляют собой семантический континуум. В то же время, смысл сочетаний со *skulle* может очень сильно варьироваться в зависимости от контекста. Следующие примеры ярко иллюстрируют употребление сочетаний со *skulle* в различных значениях: интенциональность (желание), деонтическое долженствование, ”неизбежное” будущее, ирреальная ситуация, эвиденциальность, эпистемическое долженствование:

Og det skulle han få skrevet en gang. TR s. 44	И это он собирался когда-нибудь написать.
Disse guttungene lærte det de skulle på tre–fire måneder. JN s. 94	Эта молодежь усваивает все, что нужно , за три-четыре месяца.
og det var med denne irritasjonen han åpnet brevet som skulle forandre livet hans. TR s. 26	... и с этим раздражением он вскрыл письмо, которому предстояло изменить его жизнь.
...han nå selv skulle bli far, og det altså til et barn han ikke engang hadde fått muligheten til å oppdra, om han nå skulle hatt noen ønsker om det. TR s. 40	...да еще и ребенка, которого он даже не имел возможности воспитывать, даже если бы ему этого захотелось .
...han forestilte seg at denne jenta han skulle være far til , hadde skulder langt, lyst hår TR s.32	...ему представлялось, что у этой девочки, для которой он, должно быть, отец , светлые волосы до плеч...

<p>To liter? Nei, jeg hadde lest at vi har fem–seks liter blod og svimer av om vi mister særlig mye mer enn tjue prosent.</p> <p>Som skulle bli rundt ... faen. Mindre enn to, i hvert fall. JN s. 134</p>	<p>Нет, я читал, что в нас находится пять-шесть литров крови и мы падаем в обморок, когда потеряем немногим более двадцати процентов.</p> <p>А это будет... черт. Меньше двух, во всяком случае.</p>
---	---

Несмотря на это, по-видимому, возможно выделить некоторые семантические доминанты, к которым значение тяготеет при тех или иных контекстных условиях. В данной работе мы попытаемся проанализировать, что и каким образом влияет на то или иное прочтение форм со *skulle*. Так как дать исчерпывающее описание семантики данного глагола, по-видимому, невозможно, а наиболее общие случаи употребления уже описаны, в работе будут рассмотрены некоторые особенности использования модального глагола, характерные для художественного текста, а также не описанные ранее случаи употребления, которые удалось установить на основе проанализированного материала.

Сразу стоит отметить, что сочетание со *skulle* встретилось в эвиденциальном значении всего 1 раз, и всего 3 раза в значении эпистемической оценки. Это указывает на то, что в художественном тексте *skulle* чаще выражает значения ирреальной модальности/темпоральные значения.

2.2.1 Использование форм со *skulle* в футуральном значении

Как было отмечено выше (см. стр. 18 и далее), существование формы будущего времени в норвежском языке признается не всеми лингвистами, поэтому в данной работе термин «будущее время» используется применительно к норвежскому языку с некоторыми оговорками. Футуральное значение модального глагола практически не встречается в чистом виде, будущее в норвежском имеет различные модальные оттенки, что подтверждается нашим материалом. Так, например, можно выделить будущее

запланированное (совершение действия мотивируется волей какого-либо субъекта и, таким образом, значение оказывается близко интенциональности или деонтическому долженствованию) и будущее неизбежное (пересекающееся с зоной алетического долженствования²⁸).

Jeg skal si fra når og hvor jeg trenger dem. JN s. 61	Я сообщу , когда и где они мне понадобятся.
Han var ekspedert. Hva så? Han skulle likevel dø. Vi skulle alle likevel dø. JN s. 119	Он был устранен. И что? Он по-любому должен был умереть. Мы все по-любому умрем.

Основным значением *skulle* как вспомогательного глагола при образовании форм будущего времени зачастую называют именно запланированное будущее. Этим объясняется регулярное использование данного глагола в «придаточных предложениях, в которых выражено какое-либо требование, решение и т.д.²⁹» [Lie 1990: 48]. Проанализированный материал подтверждает это утверждение. Использование глагола *skulle* было отмечено после таких глаголов как: **kreve** (*требовать*), **bestemme** (*решать*), **love** (*обещать*), **foreslå** (*предлагать*). Интересно, что такое употребление модального глагола встречается и после глаголов говорения в том случае, если они выражают какое-либо волеизъявление:

Jeg konstaterte at det var riktig Hoffmann, og signaliserte at huet skulle hives opp trappa. JN s.126	Я убедился, что это правильный Хоффманн, и велел Датчанину забросить голову на верх лестницы.
Hviska til Dansken at han skulle lete etter bilnøkler på Pine. JN s. 124	Потом прошептал Датчанину, чтобы он поискал ключи от машины Пине.

Вероятно, теми же причинами можно объяснить использование конструкций с модальным глаголом в придаточных цели после союзов **så** (*так чтобы*), **for**

²⁸о типах долженствования подробнее см. стр. 52.

²⁹Fordi skal betegner planlagt framtid, er det naturlig i en leddsetning som inneholder noe om påbud, bestemmelse o.l.

at (*чтобы*), **sånn at** (*так чтобы*), так как и в них в некотором смысле выражается «решение». Следующие примеры иллюстрируют такое использование форм как в настоящем, так и в прошедшем времени:

<p>Du forsikrer ikke ei dame om at hun er trygg sammen med deg, akkurat når hun sitter og tråkler deg sammen så du ikke skal blø vekk for henne. JN s. 137</p>	<p>Ты не станешь уверять женщину, что с тобой она находится в полной безопасности, когда она сидит и зашивает тебя, чтобы ты до смерти не истек кровью.</p>
<p>Det var ingen andre mennesker der inne, så jeg venta utafør så hun ikke skulle oppdage meg. JN s. 39</p>	<p>Там больше никого не было, и, чтобы не быть замеченным (<i>чтобы она меня не заметила</i>³⁰), я ждал Марию снаружи.</p>

В исследованном материале глагол *skulle* всегда использован в придаточных предложениях, подчиненных модальному глаголу **ville** (*хотеть*). Это указывает на то, что после данного глагола *skulle* употребляется в речи относительно последовательно.

<p>Hun ville at han skulle stå opp som en mann TR s.49</p>	<p>Она хотела, чтобы он показал себя мужчиной.</p>
--	--

Общим для всех оттенков будущего времени является то, что речь идет о моменте, отдаленном по времени от момента говорения, и что изложенная в пропозиции ситуация мыслится как ирреальная, то есть существующая только в сознании говорящего. Именно гипотетичность футурума объясняет тот факт, что использование форм со *skulle* естественно и в придаточных предложениях, подчиненных глаголам ментального состояния: **vente på** (ждать), **tro** (верить), **være redd** (бояться), **se for seg** (представлять себе), **håpe** (надеяться), **drømme** (мечтать) и другим конструкциям, подразумевающим ирреальность ситуации: **tanken på at** (мысль о том, что), **som om** (как будто):

³⁰здесь и далее курсивом в скобках предлагается буквальный перевод в том случае, если он сильно расходится с литературным.

«Er du redd for hva jeg skal si , er det det?» JN s. 97	Ты боишься того, что я могу рассказать , да?
Han kjente ikke glede ved tanken på at han skulle ta imot sitt eget barn. TR s.52	Он не чувствовал радости при мысли , что вот ему предстоит встретить своего собственного ребенка.

Проведенное исследование позволило отметить некоторые факторы, которые могут способствовать темпоральной интерпретации значения сочетаний со *skulle*. Как отмечалось ранее (см. стр. 16), модальные глаголы имеют тенденцию к грамматикализации в качестве показателя будущего времени в позициях, где их модальное значение является наименее выраженным. Для сочетаний с глаголом *skulle* такой позицией является наличие подлежащего первого лица. Однако на наш взгляд, решающим фактором для темпоральной интерпретации значения сочетаний со *skulle* является совпадение субъекта действия и источника модальности (т.е. того, кто «должен» сделать что-либо и того, кто принял соответствующее решение). В таком случае значение скорее будет интерпретироваться как интенциональное, а, следовательно, близкое футуральности. В противном случае наиболее естественным прочтением будет значение деонтического долженствования. В следующих предложениях проиллюстрировано использование сочетания со *skulle* в значении 1. интенционального будущего (субъект модальности= субъект действия); 2. деонтического долженствования (субъект модальности и субъект действия различаются). Перевод отражает различие в семантике высказываний:

«Jeg skal ikke komme tilbake og ta deg,.. JN s. 37	– Я не вернусь за тобой,...
--	------------------------------------

Det har mor sagt. At du er pappa. At jeg skal kalle deg pappa. TR s.73	Так мама сказала. Что ты папа. Что я должна звать тебя папой.
--	---

Важно подчеркнуть, что определяющим условием для футуральной интерпретации сочетания со *skulle* является именно тождество субъекта *действия* и субъекта модальности. Подлежащим в предложении при этом может быть другое лицо. Так, например, в следующем примере подлежащее выражено местоимением 2-го лица, однако из контекста вытекает, что выполнение действия зависит от самого говорящего, что и позволяет переводчику использовать будущее время³¹:

«Kom igjen, mann. Du skal ha oss til å redde ræva di i kveld, hva med å føye oss ...JN s. 104	– Ну давай, чувак. Сегодня вечером мы будем спасать твою задницу, почему бы не уступить нам...
--	---

2.2.2 Форма «будущего в прошедшем»

Как было замечено ранее (см. стр. 20), форма “будущего в прошедшем” (то есть *skulle* + инфинитив) может иметь в норвежском разные значения благодаря различной комбинации темпоральных и модальных значений самого глагола и формы претерита. Таким образом, возможна интерпретация данного сочетания как 1. деонтическое долженствование в прошлом; 2. «будущее в прошедшем», обусловленное согласованием времен или повествованием в прошедшем времени; 3. способ выражения ирреальности. Стоит также повторить, что перечисленные выше оттенки значения не являются классификацией функционально-семантических вариантов данного сочетания, так как а) в перечисленных группах значения можно выделить различные оттенки, например, различные оттенки будущего в прошедшем; б) перечисленные три группы значений могут иметь общие семантические компоненты, то есть они не дискретны.

³¹Любопытно, что в переводе также отражено несовпадение подлежащего и субъекта действия (подлежащее меняется)

Проанализированный материал позволяет сделать некоторые выводы об использовании данной формы в значении ирреальности:

Hva faen skulle han hatt å bestille i Skien? TR s. 29	Какого рожна ему бы взбренило делать (<i>у него могло бы быть</i>) в Шеене?
--	--

Так, например, удалось установить, что употребление конструкций со *skulle* в таком значении встречается в независимых предложениях, как в приведенном выше примере. Этот факт указывает на то, что подобные формы со *skulle* невозможно описать как форму кондиционалиса, так как сфера употребления данной конструкции не ограничивается главной частью условного предложения. В то же время, она часто используется для выражения аналогичного значения (ирреальности) в свободных предложениях, то есть заменяет по функции практически исчезнувший из языка флективный конъюнктив (сослагательное наклонение).

Анализ материала позволил также сравнить использование конструкций *skulle*+ инфинитив, *skulle*+перфектный инфинитив, *skulle* + причастие II (т.е. опущение вспомогательного *ha*). На стр. 23 было приведено мнение Е.М. Чекалиной о том, что в шведском языке формы с инфинитивом противопоставлены формам с перфектным инфинитивом не по временному, а по модальному значению. В то время как первые выражают «позитивную ирреальность», т.е. описывают ирреальное, но гипотетически возможное положение вещей, вторые используются о ситуациях, реализация которых невозможна (невыполнимое условие, следствие невыполнимого условия, «негативная ирреальность»). Предварительный анализ материала показал, что в большинстве случаев это актуально и для норвежского языка:

Jeg fortalte meg selv at han kom i egen bil, at det var rart om familien skulle	Я уверил себя, что он придет на своей машине и что было бы странно,
--	---

ankomme helt på likt. JN s. 110	если бы вся семья явилась одновременно.
Han skulle ikke ha sagt noe om det var en tolvåring, eller en av ungene til Hernán, som ordlaseg så ufattelig dårlig og ubetenksomt, men en voksen dame? TR s. 49	(<i>Он бы ничего не сказал</i>) Будь это ребенок лет двенадцати, или кто-то из детишек Эрнана, что излагали бы свои мысли столь непостижимо дурно и необдуманно, но чтобы взрослая женщина?

Однако встречаются и случаи, где перфектный инфинитив имеет именно видовое или аспектуальное значение, они будут описаны далее.

В [Eide 2002: 26] утверждается, что «сочетание модального глагола с причастием II в норвежском языке всегда имеет контрафактическое значение³²». Однако наш материал позволяет предположить, что это происходит не всегда. Как отмечал В.А. Плунгян, «контрафактичность описывает предположение, противоречащее фактам» [Плунгян 2004: 274 и далее]. Ученый также отмечает, что семантику контрафактичности можно описать как «невыполнимое условие в прошлом». Таким образом, под контрафактичностью, по-видимому, понимается то же, что и под термином «негативная ирреальность» - ситуация не только ирреальная, но и не представляющаяся гипотетически возможной. В проанализированных романах, однако, сочетание *skulle* + причастие II встречается не только в этом значении. Так, например, в следующих примерах речь идет о «позитивной» ирреальности, и данная форма использована в отношении ситуации в настоящем времени. Форма прошедшего времени модального глагола, скорее, используется для смягчения категоричности высказывания:

«Kunne ikke du være snill og lese litt for meg? Der det står om	– Ты не мог бы почитать мне? То место, где написано про любовь... – Я
---	---

³² Thus, the reading of a modal with a perfect participle complement is always a counterfactual reading in Norwegian.

kjærlighet ...» «Jeg skulle gjerne gjort det,» sa jeg. JN s. 64	бы с удовольствием (<i>сделал это</i>), – ответил я.
«Unnskyld, men jeg har en krans som jeg skulle levert til Hoffmann-begravelsen i overmorgen.» JN s. 79	– Прошу прощения, но я хотел бы отправить венок на похороны Хоффманна послезавтра.

Кроме того, значение перфектного инфинитива следует скорее трактовать как результативность, чем как способ выражения «негативной» ирреальности. В обоих случаях говорящий указывает на желательность совершенности того или иного действия, реализованности описанной ситуации.

2.2.3 Skulle - показатель миратива?

Как было отмечено выше (стр. 9), сочетания со *skulle* часто используются как маркер ирреальности выраженного в пропозиции содержания. Рассмотрим следующие предложения:

Jeg fortalte meg selv at han kom i egen bil, at det var rart om familien skulle ankomme helt på likt. JN s. 110	Я уверил себя, что он придет на своей машине и что было бы странно, если бы вся семья явилась одновременно.
Likevel, det var merkelig at hjertet mitt skulle begynne å slå fortere på grunn av en slik bagatell. JN s. 85	И все же странно, что сердце мое забилося (<i>забилося бы</i>) быстрее из-за такой ерунды.

Первый пример был проанализирован ранее. В нем *skulle*+ инфинитив используется в условном предложении применительно к ситуации, не имеющей места в действительности. Однако во втором предложении речь идет об уже совершившемся событии. На это указывают союз *at* (**что**) и весь контекст. Общим в обоих предложениях является наличие лексемы, выражающей удивление: **rart, merkelig** (странно, удивительно). По-видимому, несмотря на то, что изложенное во втором предложении положение вещей является фактом, именно несоответствие эпистемическому

ожиданию говорящего позволяет маркировать его формой, которая обычно выражает ирреальность. Это наводит на мысль о том, что конструкции с модальным глаголом в ирреальном значении могут использоваться как один из способов выражения митативного значения в норвежском языке.

2.3 Прагматическое значение высказываний с модальным глаголом

В теоретической части (стр. 26) отмечалось, что высказывания с модальными глаголами могут функционировать как косвенные речевые акты или обладать «вторичным» прагматическим значением. Изученный материал подтверждает это утверждение. Как правило, дополнительное прагматическое значение высказывание приобретает именно в конкретной речевой ситуации, поэтому следующие выводы были сделаны на основе прямой речи в романах.

Проведенное исследование показало, что вопросы с модальным глаголом *skulle* нередко функционируют как предложение, если исполнителем действия (или одним из исполнителей) является говорящий. Это также отразилось на переводе:

« Skal vi sette oss i sofaen, Olav?» JN s.63	« Давай сядем на диван, Улав».
«Kanskje pappa rett og slett skulle lese litt for deg?» TR s.106	« Может быть , папа тебе немножко почитает , а?»

Второй пример показателен также использованием формы претерита модального глагола. Значение ирреальности, передаваемое формой прошедшего времени, смягчает высказывания. Говорящий как бы дистанцируется от сказанного, благодаря чему предложение звучит не так категорично, и снимается возможность прочтения *skulle* в деонтическом значении (*Может быть, папа должен=обязан тебе немножко почитать?).

Также удалось установить, что высказывания со *skulle* при определенных условиях могут функционировать как приказ. Это подразумевает, что говорящий не просто указывает на (деонтическую) необходимость

выполнения какого либо действия, но и ожидает выполнения действия от адресата высказывания. Поэтому для такого прочтения *skulle* необходимо наличие конкретного адресата высказывания, а также – чтобы именно он являлся исполнителем действия. Следующие два предложения иллюстрируют употребление *skulle* в значении деонтического долженствования. В первом случае благодаря наличию конкретного адресата имеется императивный компонент значения, во втором – нет. Это различие также отражено при переводе:

«Du skal ikke tro alt du tror, Brynhildsen». JN s. 91	– Не верь во все, что ты знаешь, Брюнхильдсен.
Der lever de slike liv man egentlig skal leve . JN s. 143	Там живут такой жизнью, какой люди и должны жить .

2.4 Синтаксические особенности *skulle*

Среди особенностей модальных глаголов в норвежском языке была названа их способность управлять не только инфинитивом (перфектным инфинитивом), но и другими частями речи. В проанализированном материале глагол *skulle* был использован с наречием 12 раз, из них 3 раза глагол управлял и наречием и инфинитивом:

... de skulle vel ut og kjøpe lørdagsgodt etter begravelsen? TR s. 84	...они ведь все равно после похорон выйдут на улицу, чтобы купить субботнее угощение?
--	--

Кроме того, 3 раза глагол управлял существительным с предлогом:

Anette Hansen skulle til Syden . TR s. 49	Анетте Хансен собиралась на юг .
--	---

3 раза *skulle* использовался со словом *hvor* (куда), причем в различных его значениях (союз, вопросительное слово).

Det er selvfølgelig hun som bestemmer	Естественно, она решает, куда мы
---------------------------------------	---

hvor vi skal , og denne dagen skulle vi ikke rett på T-banen. JN s. 39	направимся , и в тот день мы не сразу пошли в метро.
---	---

Лингвисты отмечают, что такое управление *skulle* имеет только в неэпистемическом (неэвиденциальном) значении, то есть если сочетание с модальным глаголом выражает намерение или деонтическую необходимость. [Kristoffersen et al. 2011: 80]. При этом наречие или существительное с предлогом обязательно должно выражать направление, утверждают исследователи. Это условие выполняется во всех приведенных выше примерах. Однако в нашем материале встретилось несколько случаев, аналогичных следующему:

Hva skal verden med enda et barn? TR s.26	Зачем в мире нужен еще один ребенок?
--	---

В данном примере существительное с предлогом не выражает направления; скорее, предлог указывает на инструментальную функцию существительного. Во всех шести встретившихся в материале случаях подобного употребления *skulle* с существительным и предлогом **med** (с) сочетание со *skulle* имеет значение интенциональности или деонтического долженствования, а само высказывание является по форме вопросом. Возможно, имеет место частичная идиоматизация выражения «**Hva skal/skulle ... med...**».

2.5 Использование *skulle* в устойчивых сочетаниях

В проанализированном материале также встретился целый ряд устойчивых выражений со *skulle*. Благодаря идиоматизации модальный компонент в таких выражениях оказывается существенно ослабленным. Кроме того, наблюдается устойчивость компонентного состава таких сочетаний, поэтому модальный глагол, как правило, остается в них в неизменной форме.

Покомпонентный анализ семантики в таком случае оказывается невозможным. Высказывание функционирует как единое семантическое целое. К устойчивым выражениям можно отнести следующие сочетания:

Men rett skal være rett. TR s. 58	Но что есть, то есть.
Jeg skulle ønske den plata hadde stått på fortsatt. JN s. 64	Хотел бы я, чтобы пластинка не закончилась.
... takk skal du ha... TR s. 104	и спасибо большое
« Skal vi se. Neei...» JN s.87	– Пасмотрим. Не-е-ет... (<i>говорит китаец</i>)
Gudene skal vite at det var nok narkomani i Oslo til dem begge,... JN s. 16	Видит бог, в Осло тогда хватало наркоманов для них обоих,...
«Takk for at vi fikk bruke kjelleren». Det var gutten. « Skulle bare mangle. » JN s. 106	– Спасибо, что позволили нам воспользоваться подвалом, – сказал водила. – Да не за что.

Помимо устойчивых сочетаний со *skulle* в проанализированном материале также встретилось 7 употреблений сочетания *skulle* с предлогом **til**. Это выражение обозначает необходимость чего-либо, потребность в чем-либо. Значение необходимости в этом случае лишено оттенка долженствования или намерения, исходящего от какого-либо лица, то есть потребность, скорее, вызвана внешними обстоятельствами. При таком употреблении глагол, по видимому, приближается по семантике к сочетанию *må til*. При этом лексема *skulle* полностью лишается своего модального значения, а все сочетание в целом выступает исключительно как знаменательный глагол (т.е. глагол с лексической семантикой):

Hvis dette virkelig stemte– hvis det var så lite som skulle til – da – da – ja, da – Jarle åpnet verandadøra og trakk inn pusten. TR s. 30	Если это действительно так – если хватило такой малости – тогда – тогда – да, тогда – Ярле открыл дверь на лоджию и глубоко вдохнул.
---	---

Важно также отметить существование омонимичного сочетания, означающего нереализованное намерение в прошлом. В нем модальная семантика глагола также ослаблена, однако вероятно, что данная лексическая

единица возникла на основе интенционального значения глагола *skulle*.

Данное сочетание используется только в форме прошедшего времени, что доказывает и наш материал:

Jarle gikk bort til datteren, bestemt i blikket, og skulle til å lede henne tilbake til rommet. TR s. 105	Ярле подошел к дочери с решимостью во взгляде и собирался отвести ее назад в комнату.
--	--

Выводы по главе 2

В проанализированном материале исследуемый глагол встречается чаще всего в форме претерита *skulle*. Это объясняется тем, что повествование в романе ведется в прошедшем времени.

При анализе практически не встретилось использования конструкций со *skulle* в эвиденциальном или эпистемическом значении. Это говорит о том, что такие значения редко реализуются в художественном типе текста.

Форма будущего времени со *skulle* часто обозначает именно запланированное будущее, что объясняет использование сочетаний со *skulle* после глаголов *kreve* (требовать), *bestemme* (решать), *love* (обещать), *foreslå* (предлагать), а также глаголов говорения в аналогичном значении. По-видимому, аналогичную функцию данные формы имеют в придаточных цели. Кроме того, анализ выявил последовательное употребление модального глагола *skal* в придаточных предложениях, подчиненных глаголу *ville* (хотеть).

Гипотетичность будущего времени и присущий всем его оттенкам семантический компонент ирреальности объясняет использование конструкций со *skulle* после глаголов ментального состояния *vente på* (ждать), *tro* (верить), *være redd* (бояться), *se for seg* (представлять себе), *håpe* (надеяться), *drømme* (мечтать), и других конструкций, подразумевающих ирреальность ситуации: *tanken på at* (мысль о том, что), *som om* (как будто).

Футуральное прочтение конструкций со *skulle* наиболее вероятно в том случае, если субъект действия и субъект модальности – одно лицо.

Формы *skulle* + инфинитив/*skulle* + перфектный инфинитив в значении ирреальности могут встречаться как в главной части условного предложения, выполняя таким образом функцию кондиционалиса, так и в независимом предложении. Благодаря этому нельзя однозначно интерпретировать подобные конструкции как кондионалис. Перфектный инфинитив может при этом иметь а) аспектуальное значение, т.е. выражать завершенность действия, выраженного смысловым глаголом или б) быть маркером того, что вся конструкция выражает «негативную» ирреальность ~ невыполнимое условие ~ имеет «контрафактическое» значение. Вопреки мнению некоторых исследователей, вспомогательный глагол *ha* в таких конструкциях может опускаться, даже если они не имеют контрафактического значения, а выражают гипотетическую ситуацию.

Сочетания со *skulle* в ирреальном значении могут использоваться и применительно к реальным событиям, фактам. В таком случае значение ирреальности маркирует несоответствие эпистемическому ожиданию говорящего, то есть конструкция выражает значение, близкое значению миратива.

В случае, если модальный глагол выражает деонтическое долженствование, высказывание относится к конкретной речевой ситуации и адресат высказывания кореферентен исполнителю действия, такое высказывание может иметь императивное прочтение.

Помимо наречий и существительных с предлогом, выражающих направление, модальный глагол *skulle* может также управлять существительным с предлогом *med* в выражениях типа «*Hva skal/skulle... med*» (Зачем...нужно...). Устойчивость компонентного состава при таком

употреблении *skulle* указывает на частичную идиоматизацию данного выражения.

Глагол *skulle* используется в некоторых устойчивых выражениях.

Модальность при этом оказывается сильно ослабленной, а все сочетание функционирует как единое семантическое целое.

Глава 3. Перевод глагола *skulle* на русский язык

3.1 Средства выражения модальных значений в русском языке

Анализ материала показал, что модальный глагол *skulle* может выражать различные модальные значения, использоваться как вспомогательный при образовании форм модального будущего, а также быть маркером неличного доступа к информации (являться показателем эвиденциальности). *Skulle* также встречается в некоторых устойчивых выражениях, где модальность оказывается сильно ослабленной.

Из всех семантических категорий, значения которых способен выражать глагол *skulle*, модальность является наиболее разнородной. Поэтому, прежде чем анализировать перевод модального глагола *skulle* на русский язык, представляется необходимым рассмотреть, каковы основные способы выражения в нем модальных значений.

Как и во многих других языках, в русском модальность выражается различными лексическими и грамматическими средствами. Авторы русской корпусной грамматики отмечают, что «в грамматике модальность выражается, прежде всего, наклонением». Кроме того, модальность выражается «конструкциями (*Быть бычку на веревочке*), вводными словами (*наверно*), модальными глаголами и предикативами (типа *мочь, можно, нужно*), частицами (*все-таки*) и проч» [РКГ].

В работе «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» [Бондарко и др. 1990] отдельно рассмотрены способы выражения различных модальных значений. Для настоящей работы наиболее важно обратить внимание на средства выражения необходимости, так как исследование показало, что глагол *skulle* часто выражает различные оттенки этого значения. К способам выражения необходимости С.Н. Цейтлин относит:

а) «конструкции с модальными лексемами: прилагательные (*должен, вынужден, принужден, обязан, нужен, необходим*), предикативные наречия (*нужно, надо, необходимо, положено, пора*), глаголы (*следует, полагается, стОит, не мешает, надлежит, приходится/придется*), существительные (*долг, обязанность*), некоторые устойчивые обороты (*имеет смысл, есть необходимость*) и др.;

б) конструкции с независимым инфинитивом (инфинитивные предложения): *Мне еще с собакой гулять, Скоро мне в командировку ехать*. При этом зачастую возможен эллипсис субъекта действия;

в) конструкции с формами повелительного наклонения в неимперативном употреблении (например, для обозначения ряда однородных действий одного субъекта: *с утра до вечера тетради проверяй!*);

г) предложения, содержащие формы настоящего времени, употребленные в значении предписания (чаще всего в текстах инструктивного характера).

Исследовательница также отмечает, что «в ряду прочих модальных лексем слово *должен* занимает особое место, являясь безусловной доминантой данного ряда. Эта лексема наиболее точно передает общее значение необходимости, причем она может быть использована для передачи всех без исключения семантических вариантов данного значения». В то же время «все остальные лексемы в большей или меньшей степени закреплены за

определенными семантическими вариантами облигаторной ситуации» [Цейтлин 1990: 147].

В лингвистике принято выделять три типа долженствования: эпистемическое, алетическое и деонтическое [см., например, Булыгина, Шмелев 1997: 233]. Эпистемическое долженствование оценивает событие как более или менее вероятное. Алетическое долженствование связано с «объективными потенциями реального мира», (например, «*Если стакан упадет, он должен разбиться*»). Последний тип – деонтическое – связано с «нормативным и ненормативным поведением», то есть это долженствование, основанное на чьей-то воле или социальных порядках. Анализ материала (см п. 2.2) показал, что глагол *skulle* способен выразить все три типа долженствования. Это позволяет предположить, что лексема «должен» будет часто использоваться при переводе глагола *skulle*, так как способна выразить различные оттенки значения необходимости.

3.2 Перевод *skulle* на русский язык

В качестве материала для анализа перевода глагола *skulle* на русский язык был выбран перевод романов «Кровь на снегу» Ю. Несбе («*Blod på snø*» Jo Nesbø), выполненный Е. А. Лавринайтис, и «Шарлотта Исабель Хансен» Т. Ренберга («*Charlotte Isabel Hansen*» Tore Renberg), выполненный А. Н. Ливановой.

Анализ показал, что перевод осуществлялся на различных языковых уровнях с использованием различных языковых средств. Удалось установить, что в романе «Кровь на снегу» 82 раза глагол *skulle* был передан различными грамматическими средствами и 49 раз – лексически. В романе «Шарлотта Исабель Хансен» 72 раза глагол был переведен грамматическими средствами, 69 раз – лексическими. В остальных случаях был осуществлен перевод на уровне предложения или функциональный перевод, либо данные случаи не

удается однозначно отнести к какому-либо из способов перевода и они будут рассмотрены отдельно.

Важно отметить, что роман Т. Ренберга насыщен повторами. Так, например, главный герой, узнав, что он отец, несколько раз повторяет одну и ту же фразу с небольшими вариациями:

Hva skal verden med enda et barn, tenkte han rasende og kastet brevet inn i hjørnet ved lp-platene. TR s. 32	Ну зачем нужен еще один ребенок на свете, разъяренно подумал он и швырнул письмо в угол, к долгоиграющим пластинкам.
---	---

Переводчик сохраняет повтор, переводя аналогичную конструкцию теми же средствами, что сказывается на статистике.

3.2.1 Перевод на уровне предложения

Функция модального глагола в том или ином высказывании формируется непосредственно в контексте высказывания, то есть значение предложения в целом зачастую не сводится к сумме значений модального глагола и остальных членов предложения. Именно поэтому не всегда возможно передать отдельно значение, выраженное *skulle*. Переводчику приходится переводить конструкцию с модальным глаголом в целом, а не отдельную лексему. Поскольку синтаксис норвежского и русского языка существенно различается, неизбежны переводческие трансформации, и конструкция предложения оказывается сильно изменена. Так, например, отсутствие в норвежском языке устойчивой формы сослагательного наклонения приводит к тому, что *«более распространенным способом выразить желания, надежды и т.д. в норвежском является использование грамматического подчинения. В таком случае мы получаем сложное предложение, в главной части которого глагол-сказуемое описывает наше отношение к тому, о чем говорится в придаточном»*³³ [Næss 2011: 168].

³³ En mer generell måte å gi uttrykk for ønsker, håp og lignende i norsk, er å bruke grammatisk underordning. Da får vi en sammensatt setning hvor verbet i hovedsetningen forteller hvordan vi forholder oss til det som sies i den

Er du redd for at jeg skal fortelle deg at jeg ikke er den du håper at jeg skal være? » JN s. 97	Ты боишься, что я расскажу тебе, что я совсем не такой человек, какого ты хотел бы во мне видеть?
---	--

Модальность желания, выраженная в норвежском тексте лексемой *håpe* в главном предложении и модальным глаголом *skal* в придаточном, оказывается выраженной лексически глаголом «хотеть» и грамматически – формой сослагательного наклонения, которая более естественна для русского языка. В следующих примерах смысловой глагол заменяется другой частью речи, что ведет к перестройке всей конструкции, так как разные части речи обладают различными «синтаксическими потенциями» [Цейтлин 1990: 147]:

...og da dagen kom og Diana skulle begravnes TR s. 64	и когда настал день похорон Дианы
Ikke ennå, fikk korrigere det når det var like før vi skulle dra. JN s. 101	Сейчас пока рано, исправим ее прямо перед отъездом.

Этикетные формулы и фатические реплики часто не поддаются переводу на уровне слова и даже на уровне предложения. В таких случаях наиболее уместным оказывается функциональный перевод. Под функциональным переводом будет пониматься в первую очередь такой перевод, который подразумевает замену текста на языке оригинала текстом на языке перевода, уместным в данной ситуации, то есть выполняющим в языке перевода аналогичную функцию.

«Nei, du var vanskeligere å be deg, det skal du ha. JN s. 143	– Нет, тебя было нелегко уговорить, это так.
«Men pappa ... jeg har lyst til å ha et lys på mens jeg sover» <...> «Jamen, så klart du skal få det » TR s.	И знаешь, папа ... я хочу, чтобы горел свет, когда я сплю.» «Да ну конечно, не будем свет

underordnede setningen.

Третьей ситуацией, когда высказывание с модальным глаголом переводится целиком, являются устойчивые выражения. В таком случае модальный компонент оказывается сильно ослабленным. Такие высказывания также функционируют как единое семантическое целое:

<p>«Takk for at vi fikk bruke kjelleren.» Det var gutten. «Skulle bare mangle.» JN s. 106</p>	<p>– Спасибо, что позволили нам воспользоваться подвалом, – сказал водила. – Да не за что.</p>
---	--

На наш взгляд, выражение «Gudene skal vite» также является устойчивым, поэтому предложенный буквальный перевод, возможно, является не вполне удачным:

<p>Gudene skal vite at det var nok narkomani i Oslo til dem begge. JN s. 16</p>	<p>Боги знают, что в Осло в то время хватало наркоманов для них обоих,</p>
--	---

Вероятно, более подходящим был бы перевод русской идиомой с похожим значением «Видит бог».

3.2.2 Перевод грамматическими средствами

Под «грамматическими средствами» в данной работе будут пониматься различные формы смыслового глагола, то есть речь идет о передаче значения *skulle* морфологическими средствами. При этом очевидно, что такой перевод возможен только в случае, если глагол *skulle* был использован в норвежском тексте как вспомогательный при образовании форм будущего времени и форм, аналогичных по функции сослагательному наклонению в русском.

Самый частый грамматический способ передачи значения *skulle* – использование различных форм **будущего времени**. Всего формы со *skulle* были переведены на русский язык с помощью будущего времени смыслового глагола 76 раз. Важно отметить, что как «будущее» со *skulle* в норвежском,

так и различные формы будущего времени в русском передают целый спектр значений. В следующих примерах в первом случае иллюстрируется будущее интенциональное, а во втором - неизбежное. В обоих случаях и в том и в другом языке оба значения переданы системно равноценными средствами:

«Jeg skal ikke komme tilbake og ta deg... JN s. 37	– Я не вернусь за тобой, – произнес я.
Hva er det som har skjedd den dagen vi veit at det ikke bare er en mulighet, men et jævla faktum at livet vårt skal ta slutt ? JN s. 25	Что происходит в тот день, когда мы узнаем, что наша жизнь закончится и это не возможность, а гребаный факт?

В том случае, если глагол *skulle* используется в форме настоящего времени *skal* как вспомогательный при образовании формы будущего времени, то перевод будущим временем смыслового глагола представляется наиболее естественным. Однако аналогичным образом переданы в русских переводах и формы будущего в прошедшем, образованные формой *skulle*. При этом значение формы прошедшего времени оказывается невыраженным:

Hun hadde bedt om te, men jeg hadde svart at det fikk bli i morgen, at jeg skulle skaffe det så snart butikkene åpna. JN s. 43	Она попросила чаю, но я пообещал ей чай на следующий день. Я сказал, что пойду и куплю чай, как только откроются магазины,
Som nå, snart syv år etter sin egen fødsel, skulle få en far. TR s. 32	У которого теперь, уже почти через семь лет после рождения, будет отец.

В первом из представленных выше примеров *skulle* является претериальным трансформом *skal*, то есть форма прошедшего времени маркирует подчиненный статус сказуемого в косвенной речи. В русском языке в аналогичной ситуации употребляется будущее время. Более специфическим является второй случай. Повествование в обоих романах ведется в

прошедшем времени. В том случае, если речь идет о будущем относительно какого-либо момента в повествовании, авторы используют форму будущего в прошедшем (даже если сказуемое предложения не является синтаксически подчиненным), так как относительно времени рассказа все события оказываются в прошлом. В русском переводе прошедшее время используется намного реже, кроме того, форма будущего в прошедшем отсутствует в русском языке, поэтому данная форма также переводится на русский обычным будущим временем.

В 22 случаях предложения со *skulle* были переведены на русский язык в романе «Кровь на снегу» с помощью **сослагательного наклонения** смыслового глагола.

Анализ материала показал, что придаточные цели с союзами *så* и *for at* (чтобы) и конструкцией со *skulle* (в том числе в форме *skal*) обычно переводятся на русский язык придаточным цели с союзом «чтобы» и формой сослагательного наклонения смыслового глагола. Такой перевод был использован практически во всех случаях, и представляется единственно возможным. Исключением являются сложные предложения, в которых субъект главного и придаточного в русском тексте совпадает, и значение цели передается инфинитивом смыслового глагола. На эту особенность русского языка обращали внимание и другие исследователи: «При кореферентности говорящего (каузатора) и исполнителя действия обычно используется конструкция с инфинитивом...» [Храковский 1990: 195].

<p>Og jeg sa det vel ikke for at spøkelset hans ikke skulle komme etter meg heller, jeg tror ikke på spøkelser. JN s. 6</p>	<p>И я произнес такие слова не для того, чтобы призрак убитого не пришел за мной, – я не верю в призраки.</p>
<p>Det var ingen andre mennesker der inne, så jeg venta utafør så hun ikke skulle oppdage meg. JN s. 39</p>	<p>Там больше никого не было, и, чтобы не быть замеченным, я ждал Марию снаружи.</p>

Так же переводятся придаточные предложения, подчиненные глаголам желаний *ville, ønske*, и глаголам говорения в том случае, если они выражают приказание.

Hviska til Dansken at han skulle lete etter bilnøkler på Pine. JN s. 124	Потом прошептал Датчанину, чтобы он поискал ключи от машины Пине.
«Jeg vil at du skal få det til å se ut som et innbrudd, Olav.» JN s. 14	– Я хочу, чтобы ты обставил все как ограбление, Улав.

Сослагательное наклонение используется аналогичным образом в переводе романа Т. Ренберга, но такой способ использован там всего 6 раз.

Еще одним грамматическим способом передачи конструкций со *skulle* является **повелительное наклонение** смыслового глагола. Такой перевод используется только в отношении формы *skal*, и в изученном материале такой перевод встречается всего два раза, оба раза – в переводе романа «Кровь на снегу» Однако, на наш взгляд, возможность такого перевода связана с определенными особенностями высказываний с модальными глаголами, а потому заслуживает внимания. Использование повелительного наклонения объясняется наличием «вторичного» или прагматического значения у высказываний с модальными глаголами. Высказывание может функционировать как непосредственный призыв к действию, несмотря на то, что состоит из повествовательного предложения со сказуемым, выраженным глаголом в изъявительном наклонении, если высказывание непосредственно обращено к собеседнику (то есть оно относится к прямой речи), и субъектом пропозиции является второе лицо. Именно это позволяет передавать в таких случаях значение *skulle* с помощью повелительного наклонения при переводе на русский язык:

Nå skal du i seng. JN s. 137	Иди в кровать.
-------------------------------------	-----------------------

В переводе романа «Шарлотта Исабель Хансен» также встречается так называемая «императивная форма 1 лица» [Храковский 1990: 195], то есть

«побудительная форма», выраженная глаголом 1-го лица в будущем времени с частицей *–ka*. Данная форма свидетельствует о том, что исполнителем действия является сам говорящий. Спорным, однако, как отмечает Храковский, остается вопрос о включении подобных форм в парадигму императива. Кроме того, на наш взгляд, кореферентность субъекта модальности (говорящего) и исполнителя действия скорее позволяет интерпретировать значение высказывания как сильную интенцию, что также довольно точно соответствует функции предложения на норвежском языке.

«Ja, nå skal vi se , nå skal vi se ...» TR s. 90	«Ну вот, посмотрим-ка , посмотрим-ка ...»
--	---

Стоит отметить, что выражение «skal vi se» является в норвежском языке устойчивым и служит как междометие, свидетельствующее о сомнении говорящего. Однако полной десемантизации модального компонента в нем не произошло, что и делает возможным поэлементный перевод высказывания.

Изученный материал показал, что значение *skulle* часто передается с помощью конструкций с **независимым инфинитивом смыслового глагола** (7 случаев в романе «Кровь на снегу» и 12 раз – при переводе «Шарлотта Исабель Хансен»). В таком случае субъект действия чаще всего стоит в форме дательного падежа или опущен, а инфинитив передает значение деонтической необходимости или интенциональности. Такой перевод часто использовался в придаточной части сложного предложения, подчиненной глаголам ментального состояния в том случае, если субъект в обеих частях – одно и то же лицо, однако он может встречаться и в простых предложениях.

Og jeg så at han vurderte om han skulle slå JN s. 72	И я понял, что он раздумывает, не врезать ли мне.
Hvordan skulle han forholde seg til det? TR s.86	Как ему к этому отнестись ?

В романе Ю Несбе в 4 случаях конструкции со *skulle* были переданы при переводе с помощью **изъявительного наклонения смыслового глагола**, форм прошедшего и настоящего времени. В приведенном ниже примере настоящее время изъявительного наклонения выражает значение нереальности, что следует из контекста. Ситуация представляется существующей только в сознании говорящего. Такое значение настоящего времени в русском языке довольно точно соответствует значению формы со *skulle* в сочетании с наречием *liksom*, которое усиливает значение нереальности:

Og her skulle liksom jeg komme med en jævla konfekteske i julegave, innpakka som om den var Kleopatras septer. JN s. 83	И тут я являюсь домой и дарю ей на Рождество хреновую коробку конфет, запакованную так, словно это скипетр Клеопатры.
--	--

Однако в общем случае индикатив смыслового глагола не передает модального значения, выраженного в оригинале, и оно оказывается потерянным. Так, например, в следующем примере оттенок интенциональности оказывается при переводе невыраженным.

Dumt hvis du skal være doplanger eller gjeldsinnkrever , det sier vel seg selv. JN s. 9	А это совсем глупо, если ты работаешь толкачом или потрошишь должников.
---	---

Что касается романа Т. Ренберга, переводчик использовал настоящее время всего 4 раза, причем в аналогичных случаях (одна и та же фраза повторяется несколько раз с небольшими вариациями). Выбор данной формы объясняется различием в семантике глагола **hente** (забирать) и русского *встречать*.

Så, hvem er det da?»	«Ну и кого тогда?»
Jarle stusset. «Hva da “hvem da”?»	Ярле опешил. «Что “кого тогда”?»
«Du skal hente.»	«Кого встречаешь.»
Å, som jeg skal hente , ja.» TR s. 22	«Ааа, кого я встречаю , понятно.»

Прошедшее время смыслового глагола использовано только для передачи формы *skulle* в значении «будущего в прошедшем». Так как в данной форме заложен оттенок футуральности, заключенный в семантике самого глагола, а значение грамматической формы – претерит, переводчик выбирает, переводить ли ее формой прошедшего времени или будущего в зависимости от того, что представляется важнее: подчеркнуть, что действие предшествует моменту речи, или что оно относится к будущему относительно какого-либо момента в прошлом:

<p>...bare få dager før Jarle skulle fylle ni år, giftet Diana Spencer seg med prins Charles av Wales TR s. 62</p>	<p>...всего за несколько дней до того, как Ярле исполнилось девять лет, Диана Спенсер вышла замуж за принца уэльского Чарльза.</p>
---	---

3.2.3 Перевод лексическими средствами

39 раз значение модального глагола было передано на русский язык словом *должен*. Это указывает на то, что данная лексема использовалась в переводе *skulle* довольно часто. Семантический анализ показал, что как модальный глагол, так и лексема *skulle* способны передавать различные оттенки значения необходимости и собственно долженствования как частного случая этого значения. Этим и объясняется относительная частотность лексемы *должен* в русском тексте. Следующие примеры иллюстрируют перевод *skulle*, употребленного в различных значениях, лексемой *должен*. В первом – деонтическое долженствование, то есть связанное с моральными нормами или чьей-либо волей.

<p>Der lever de slike liv man egentlig skal leve. JN s. 143</p>	<p>Там живут такой жизнью, какой люди и должны жить.</p>
--	---

Во втором примере речь идет о неизбежном будущем, то есть пример иллюстрирует онтологическое долженствование. Показательно, что

аналогичное значение в следующем предложении уже передано будущим временем при переводе.

<p>Han skulle likevel dø. Vi skulle alle likevel dø. Men jeg hadde i hvert fall overlevd ham. JN s. 119</p>	<p>Он по-любому должен был умереть. Мы все по-любому умрем. Но я, во всяком случае, его пережил.</p>
---	--

В следующем примере речь иллюстрируется эпистемическое долженствование, то есть оценка события с точки зрения его вероятности:

<p>Du skal være faen så kald forretningsmann for ikke å bære nag til en som har ekspedert tre av folkene dine. JN s. 58</p>	<p>Ты должен быть крайне рассудительным бизнесменом, чтобы не питать ненависти к человеку, убравшему трех твоих людей.</p>
---	--

Что касается передачи *skulle* с помощью модальных лексем *стОит*, *нужно* и тд., исследование показало, что в рассмотренном материале они используются, как правило, для перевода *skulle* в значении деонтического долженствования. Лексема *предстоит* выделяется из перечисленных предикатов тем, что также передает оттенок футуральности, заложенный в значении *skulle*.

<p>... og Pine forklarte meg at hun skulle jobbe inn narkogjelden til kjæresten. JN s. 10</p>	<p>... и Пине объяснил мне, что ей предстоит отработать долг любовника.</p>
--	--

Кроме того, стоит отметить, что лексема *нужно* передает еще и значение необходимости, выраженное сочетанием *skulle til*.

<p>Det er så lite som skal til JN s. 139</p>	<p>Как же мало нужно. Как мало.</p>
---	--

Модальные глаголы использованы в переводе в том случае, если *skulle* в норвежском тексте выражает интенциональность. Значение интенциональности пересекается с модальностью желания в том случае, если «субъект модальности совпадает с говорящим» [Цейтлин 1990: 153]. Именно

это позволяет переводить *skulle* глаголами *хотеть и желать*. В нескольких случаях при переводе использован глагол *собираться*. Такой перевод представляется более точным, так как данный глагол передает «активное» желание, то есть в большей степени соответствует значению интенциональности, выраженному глаголом *skulle*. Глагол *собираться* также последовательно использован при переводе сочетания **skulle til** с соответствующим значением.

Og det skulle han få skrevet en gang. TR s. 44	И это он собирался когда-нибудь написать .
--	--

Отдельно представляется необходимым описать случай перевода *skulle* лексемой *давай*, встретившийся всего по одному разу в каждом из переводов. Такой перевод связан с передачей коммуникативной установки высказывания с модальным глаголом, то есть прагматического значения высказывания. Лексема *давай* выражает в русском языке побуждение и передает побудительную функцию вопросительного по форме предложения в первом случае и повествовательного – во втором. Некоторые исследователи описывают лексему *давай* как особенную форму повелительного наклонения – форму «совместного лица» [Корди 1990б: 191], то есть говорящий побуждает адресата высказывания совершить какое либо действие с ним вместе.

« Skal vi sette oss i sofaen, Olav?» JN s. 63	« Давай сядем на диван, Улав».
«Vi skal ikke lese. TR s.107	« Давай не будем читать».

В переводе романа Т. Ренберга также встретилось использование лексемы *пусть*. Вопрос о включении выражений с *пусть* в императивную парадигму до сих пор не решен в русистике [Корди 1990б: 193], однако с однозначностью можно отметить, что *пусть* используется для выражения волеизъявления в том случае, если исполнителем действия является третье

лицо, не участвующее в речевом акте. Интересно, что *пусть* используется переводчиком для передачи формы *so skulle*, а не *so skal*, и может создаться впечатление, что высказывание не относится к прямой речи, а, следовательно, не может иметь «императивного истолкования», которое предложения с модальными глаголами получают «в условиях конкретного речевого акта» [Цейтлин 1990: 155]. Однако исследуемый случай является примером несобственно-прямой речи, то есть, по сути, описывается конкретная речевая ситуация, и подразумевается, что у высказывания есть адресат.

<p>Så det skulle han vite, og det fikk han forholde seg til, at kl. 11:45, lørdag 6. september 1997, landet hun i ergen. TR s. 49</p>	<p>Так что пусть знает, и пусть строит свои планы в соответствии с этим, что в 11:45, в субботу 6-го сентября 1997-го года, она приземлится в Бергене.</p>
--	---

В переводе романа Т. Ренберга, выполненном А. Н. Ливановой, несколько раз используются лексемы *неужели*, *оказывается*, *разве*, и *вдруг*. Все эти лексемы передают несоответствие эпистемическому ожиданию, то есть выражают значение, близкое категории миратива. Кроме того, один раз в переводе использовано выражение *должно быть*, которое, скорее, выражает уверенность говорящего в соответствии пропозиционального содержания действительности. Общим для всех перечисленных лексем является то, что они так или иначе оценивают ситуацию с точки зрения ее вероятности, то есть связаны с категорией эпистемической модальности. Некоторые исследователи склонны отдельно выделять модальную категорию **достоверности** и относят перечисленные лексемы к способам выражения отдельных ее значений [Беляева 1990: 159]. Такой перевод становится возможным благодаря тому, что конструкции *so skulle* в вопросительных предложениях часто передают значение сомнения:

<p>Skulle han nedverdige seg til å mase,</p>	<p>Неужели он унижится до того,</p>
---	--

som en annen grunnfagsstudent... TR s. 47	чтобы, как какой-нибудь первокурсник, надоедать им с вопросами,...
--	--

Перевод с помощью сочетания *должно быть*, связан с эвиденциальным значением *skulle*, то есть говорящий дистанцируется от изложенного в пропозиции, указывая на то, что информация получена им косвенным путем:

...han forestilte seg at denne jenta han skulle være far til , hadde skulderlangt, lyst hår ... TR s. 32	...ему представлялось, что у этой девочки, для которой он, должно быть, отец , светлые волосы до плеч...
---	--

Важно отметить, что значение высказывания со *skulle* формируется под воздействием целого ряда факторов, так как собственное значение модального глагола, значение смыслового глагола, грамматические значения формы, в которой стоит вспомогательный глагол, а также контекстные условия образуют единый семантический комплекс. При передаче высказываний со *skulle* лексическими средствами переводчику приходится выбирать, какая именно часть значения будет передана лексически, при этом определенное грамматическое значение тоже обязательно должно быть выражено. Так, например, переводя значение необходимости прилагательным *должен*, переводчик вынужден выбирать, в какую форму при этом поставить глагол-связку. Анализ материала показал, что при переводе формы *skal* на русский язык переводчик, как правило, выбирает форму настоящего времени, изъявительного наклонения. Что касается формы *skulle*, выбор прошедшего или настоящего времени определяется контекстом. При этом, по-видимому, можно вывести и некоторые формальные закономерности. Так, если использование формы *skulle* в норвежском тексте продиктовано согласованием времен, в русском переводе будет использовано настоящее время. Будущее время при переводе лексическими средствами практически не используется, так как значение футуральности заложено в семантике соответствующих лексем (например, *должен, собираться, предстоит*).

3.2.4 Прочие случаи перевода

Норвежские модальные глаголы, выражающие различные значения интенциональности или деонтическое долженствование, способны управлять существительным с предлогом и другими обстоятельствами в отсутствие смыслового глагола. Поэтому при переводе на русский язык переводчику часто самому приходится подбирать смысловой глагол, чаще всего глагол движения, так как указание на способ передвижения должно в подобных случаях быть выражено лексически. В изученном материале встретилось 6 случаев такого перевода, все они – в романе Ю Несбе. В следующем примере глагол *skulle* заменен дважды на немодальный глагол. В первом случае лексема «направиться» лексически передает значение интенциональности, соответствующее значению модального глагола, во втором благодаря лексеме «идти» высказывание становится более конкретным:

Det er selvfølgelig hun som bestemmer hvor vi skal , og denne dagen skulle vi ikke rett på T-banen . JN s. 39	Естественно, она решает, куда мы направимся , и в тот день мы не сразу пошли в метро .
--	--

Если субъектом модальности является первое лицо (то есть речь идет о реализации воли говорящего), а само высказывание обращено к конкретному адресату (2-е лицо), высказывание может служить либо 1) рекомендацией (если адресат и является исполнителем действия), либо 2) угрозой, клятвой или обещанием. Во втором случае исполнителем действия, как правило, является сам говорящий, даже если грамматически подлежащее 2-го лица. При переводе в таком случае иногда меняется лицо подлежащего, смысл высказывания при этом остается прежним:

«Dette skal du få igjen , Johansen». JN s. 124	« Я тебе это припомню , Юхансен».
---	--

Выводы по главе 3

В ходе анализа материала удалось выделить 5 основных способов перевода высказываний со *skulle*, а именно:

- 1) грамматический перевод форм со *skulle* – передача значения вспомогательного глагола с помощью морфологических средств русского языка;
- 2) лексический перевод – передача значения *skulle* аналитически, эксплицитно, с помощью различных модальных лексем;
- 3) перевод на уровне предложения, при котором вся структура предложения оказывается по тем или иным причинам сильно измененной;
- 4) функциональный перевод, который использовался для передачи этикетных формул и некоторых устойчивых выражений.
- 5) замена модального глагола знаменательным.

В 154 из 315 случаев значение, выраженное в норвежском тексте с помощью глагола *skulle*, передано в переводе при помощи тех или иных форм смыслового глагола, то есть грамматическими средствами. Этот факт свидетельствует о двух вещах.

Во-первых, возможность передать значение *skulle* средствами грамматики в русском переводе указывает на то, что само значение *skulle* в этих случаях скорее является грамматическим, чем лексическим, а *skulle* выполняет роль вспомогательного глагола при образовании аналитических форм. Именно поэтому такой перевод возможен только в том случае, если *skulle* используется с инфинитивом смыслового глагола, то есть модифицирует грамматическое значение конструкции в целом. Наиболее «грамматичными» значениями *skulle* являются 1) **значение вспомогательного при образовании форм будущего времени** и 2) **значение ирреальности**, передаваемое конструкцией *skulle*+инфинитив смыслового глагола. Именно эти значения передаются грамматическими средствами чаще всего, соответственно, формой будущего времени и сослагательного наклонения.

Во-вторых, эта тенденция отражает важнейшее различие между норвежским языком, тяготеющим к аналитике, и русским, для которого синтетические формы являются более естественными.

В проанализированном материале глагол *skulle* был переведен на русский язык лексическими средствами 118 раз. В переводе значение глагола выражается: 1) глаголами *хотеть, желать, собираться, приготовиться, мочь*; 2) безличными предложениями, в которых субъект действия выражается личным местоимением в дательном падеже, а модальное значение передано предикатами *надо/нужно, стОит, лучше, предстоит, приходится/пришлось, пора*; 3) лексемой *должен*; 4) лексемами *давай, пусть*. При этом смысловой глагол, как правило, стоит в форме инфинитива. В переводе романа Т. Ренберга также встречаются лексемы *вдруг, неужели, оказывается, получается, должно быть*. А. Н.Ливанова использует более широкий набор лексем для передачи различных значений модального глагола. Таким образом, язык в романе «Шарлотта Исабель Хансен» оказывается намного эмоциональнее, чем в романе «Кровь на снегу», что, впрочем, соответствует духу обоих произведений.

Значения **интенциональности и долженствования** (в первую очередь деонтического) являются наиболее «лексичными» значениями глагола *skulle*. (Это, в частности, объясняет, почему именно в этих значениях глагол способен присоединять прямое дополнение, то есть выступать как частично переходный, а также использоваться с наречиями направления или управлять существительным с предлогом). Соответственно, значения *skulle* в знаменательном употреблении и при переводе обычно выражаются лексически. В некоторых случаях, переводчик предпочитал передать интенциональное значение *skulle* с помощью того или иного глагола движения. Ситуация при этом сильно конкретизируется, а выраженное в переводе значение оказывается уже, чем в оригинале, например, при замене интенционального *skulle* глаголом *идти*.

Лексический способ перевода оказывается единственным возможным при передаче сочетания **skulle til**, так как оба значения данного сочетания (интенциональное «собираться» и значение «быть необходимым») – лексические, и глагол с послелогом никогда не употребляется как вспомогательный.

Анализ перевода *skulle* лексическими средствами также показал, что **интенциональность и желание** обычно выражается в русском языке глагольными сказуемыми, в то время как различные **оттенки необходимости**, скорее, – безличными предложениями с модальными предикатами при субъекте действия в форме дательного падежа.

Выбор той или иной грамматической формы сказуемого при лексическом переводе различных форм *skulle* в значительной степени определяется контекстом. В том случае, если форма претерита в оригинале обусловлена синтаксически подчиненным статусом глагола (согласованием времен), в переводе используется форма настоящего или будущего времени.

В ходе исследования удалось установить, что значение **неизбежного и интенционального будущего** сближается с **алетическим и деонтическим долженствованием** соответственно, поэтому похожие значения часто передаются в переводе совершенно разными способами – формой будущего времени смыслового глагола и лексемой *должен*.

Так как в русском языке, насколько известно, нет грамматических способов выражения **эвиденциальности**, значение «засвидетельствованности», сближающееся с эпистемической оценкой, передано различными модальными лексемами – *мочь, должно быть* и тд.

Побудительная коммуникативная установка высказываний со *skulle* (присущая как вопросительным, так и повествовательным предложениям с модальным глаголом) нашла отражение в различных императивных

конструкциях, образованных с помощью повелительного наклонения или лексем *пусть, давай*.

Заключение

В настоящей работе был проведен анализ употребления модального глагола *skulle* на материале двух норвежских романов, а также анализ перевода конструкций со *skulle* на русский язык.

Анализ случаев употребления модального глагола *skulle* показал, что его использование в художественном тексте имеет ряд особенностей. Так, практически не встретилось конструкции со *skulle* в эвиденциальном значении, хотя практика показывает, что глагол часто используется в такой функции в других типах текста (например, газетах). Вероятно, это связано с тем, что значение эвиденциальности – т.е. указание на то, что информация получена говорящим от другого лица – не так актуально для художественной литературы. Другой особенностью употребления *skulle* в художественном тексте является преобладание формы претерита (*skulle*) над формой пресенса (*skal*), хотя статистика показывает обратное соотношение в других типах текста. Этот факт можно объяснить тем, что повествование в романах ведется в прошедшем времени, поэтому форма пресенса редко встречается в них вне прямой речи.

Исследование позволило также установить некоторые контекстуальные факторы, влияющие на использование глагола и реализацию того или иного его значения: а) синтаксическая подчиненность придаточного предложения со *skulle* глаголам волеизъявления и ментального состояния часто влечет за собой использование *skulle* в футуральном значении или как маркера ирреальности; похожую функцию глагол выполняет в придаточных цели; б) тождество субъекта действия и субъекта модальности является предпосылкой для футурального прочтения глагола, при отсутствии этого тождества *skulle*, скорее, выражает значение деонтического долженствования; в) дополнение/обстоятельство/форма инфинитива, которыми глагол управляет, влияют на интерпретацию значения всего сочетания в целом.

Проведенный анализ показал, как значение форм со *skulle* соотносится со значением косвенных наклонений в некоторых других языках: повелительным и сослагательным в русском, флективным конъюнктивом в немецком.

Насколько известно, в настоящей работе было впервые описано использование конструкций со *skulle* в ирреальном значении об уже случившихся событиях. Такое употребление маркирует несоответствие эпистемическому ожиданию говорящего. Кроме того, были отмечены ранее не описанные особенности сочетания *hva skal... med*.

В работе проводился параллельный анализ случаев употребления *skulle* и перевода конструкций с данным глаголом на русский язык. Перевод облегчает понимание семантики высказывания, так как является результатом уже осуществленной интерпретации значения. Полученная статистика позволяет заключить, что: а) конструкции со *skulle* в футуральном значении, как правило, переводятся на русский язык будущим временем смыслового глагола; б) лексемой «должен» в русском языке передаются различные оттенки необходимости, следовательно, она часто может быть использована при переводе *skulle*; в) при переводе важно отразить прагматическое значение высказывания со *skulle*; г) при переводе устойчивых сочетаний со *skulle* закономерно использование функционального перевода.

Важно отметить, что полного соответствия перевода оригиналу, по всей видимости, все равно добиться невозможно, так как сочетания с модальным глаголом способны выражать сложные модальные значения, способы выражения которых в русском языке существенно отличаются от норвежского. Так, например, значение ирреальности или футуральности выражается в русском грамматическими средствами, а значение долженствования, как правило, – лексически, в то время как в норвежском

данные значения могут быть компонентами семантики одной и той же формы.

В настоящем исследовании были затронуты некоторые проблемы, подробно рассмотреть которые не позволяет формат работы. Несмотря на это, некоторые из этих вопросов представляют интерес для дальнейшего исследования, в частности: 1) выбор вспомогательного глагола *skulle* или *ville* при образовании форм со значением будущего времени или ирреальности; 2) соотношение лексем *skulle* и *måtte* как способов выражения различных оттенков необходимости в норвежском языке.

Список использованной литературы

Справочная литература

1. [Беляева 1990] *Беляева Е. И.* Достоверность. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград.: изд-во «Наука», 1990. С.157-169.
2. [Бондарко и др. 1990] *Бондарко А. В.* и др. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград.: изд-во «Наука», 1990. – 262 с.
3. [Булыгина, Шмелев 1997] *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки рус. культуры, 1997. – 574 с.
4. [Вдовина 2012] *Вдовина М. В.* Взаимодействие категорий модальности, времени и вида в английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. СПбГУ, Санкт-Петербург, 2012
5. [Касевич 1988] *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988.–309 с.
6. [Князев 2007] *Князев Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
7. [Корди 1990а] *Корди Е.Е.* Вторичные функции высказываний с модальными глаголами. //Типология и грамматика. - М.: Наука, 1990.
8. [Корди 1990б] *Корди Е. Е.* Оптативность. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград.: изд-во «Наука», 1990. С.170-184.
9. [Мельчук 1998] *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том II. Москва - Вена: "Языки русской культуры", Венский славистический альманах, 1998. – 544 с.
10. [Михайлова 1986: 30] *Михайлова И. М.* О предпосылках отмирания флективного и распространения аналитического сослагательного наклонения (на материале условных предложений нидерландского языка). // Глагол в языке и речи. Кемерово.: КемГУ, 1986. С. 30-39.

11. [Нефедов 2007] *Нефедов С. Т.* Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке. Синхрония и диахрония. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 201 с.
12. [Падучева 2013] *Падучева Е.В.* Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // Русский язык в научном освещении, 2(26). 2013. С. 9 – 29.
13. [Плунгян 2004] *Плунгян В.А.* О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта. // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 273-291
14. [Плунгян 2011] *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с.
15. [Серль 1986] *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт?// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. - С. 151-169
16. [Смирницкая 1977] *Смирницкая О. А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках. // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: изд-во «Наука», 1977. – 296 с.
17. [Храковский 1990] *Храковский В. С.* Повелительность. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград.: изд-во «Наука», 1990. С.185-237.
18. [Цейтлин 1990] *Цейтлин С. Н.* Необходимость. // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград.: изд-во «Наука», 1990. С.142-156.
19. [Чекалина 2003] *Чекалина Е. М.* Система форм и грамматические категории шведского глагола: автореф. дис. док. филол. наук. МГУ, Москва, 2012.
20. [Чекалина 1986] *Чекалина Е. М.* Описательные глагольные конструкции в современном шведском языке. // Глагол в языке и речи. Кемерово.: КемГУ, 1986. С. 49-59.
21. [Шатуновский 1996] *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова. М.: Языки русской культуры, 1996. – 400 с.
22. [Coward 2013] *Coward G.* Norsk grammatikk. Riksmål og moderat bokmål. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2013. – 264 s.

23. [Eide 2003: 125] *Eide K. M.* Modals and tense. In: Matthias Weisgerber (ed.) 2003: Proceedings of the Conference “sub7 – Sinn und Bedeutung”. Arbeitspapier Nr. 114, FB, p.120-135.
24. [Eide 2002] *Eide K. M.* Norwegian Modals. Dissertation presented in partial fulfilment of the requirements for the degree Doctor Artium. Norwegian University of Science and Technology (NTNU), Trondheim, 2002. – 339 s.
25. [Enger, Kristoffersen 2000] *Enger H. O., Kristoffersen K. E.* Innføring i norsk grammatikk. Morfologi og syntaks. Oslo: Cappelen Damm AS, 2000. – 363 s.
26. [Engh 1993] *Engh J.* Tre forelesinger om tempus og om modalverb i norsk. // Norskraft: Arbeidsskrift for nordisk språk og litteratur, nr. 80. Oslo: Universitet i Oslo, 1993. – 87 s.
27. [Kristoffersen et al. 2011] *Kristoffersen K. E., Runde Å., Lind M., Enger H. O.* “Vi skal på kino”: Modalverb i norsk med og uten infinitt verb. // *Maal og minne 1* (2011). Oslo: Novus forlag as, 2001. S. 65–86
28. [Lie 1990] *Lie S.* Kontrastiv grammatikk – med norsk i sentrum. Oslo: Novus forlag as, 1990. – 113 s.
29. [Næss 2011] *Næss Å.* Global grammatikk. Språktypologi for språklærere. Oslo: Gyldendal, 2011. – 274 s.
30. [Palmer 1986] *Palmer F.R.* Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. (1st ed. – 1986). – 260 p.
31. [Rønhøvd 2005] *Rønhøvd J.* Norsk morfologi. Oslo: Gyldendal, 2005. – 177s.
32. [Åfarli, Sakshaug 2006] *Åfarli T. A., Sakshaug L.* Grammatikk. Syntaks og morfologi med norsk i sentrum. Oslo: Det Norske Samlaget, 2006 – 288 s.

Интернет ресурсы

- [РКГ] – Русская корпусная грамматика <http://rusgram.ru/> [ссылка проверена 23.05.2016]
- [ЛЭС] – Лингвистический энциклопедический словарь <http://tapemark.narod.ru/les/303b.html> [ссылка проверена 23.05.2016]
- [korrekturavdeling] – норвежский сайт о правописании <http://www.korrekturavdelingen.no/K4Frekvensordliste500VanligsteNorsk.htm> [ссылка проверена 23.05.2016]
- [NOB] – bokmålsordboka <http://www.nob-ordbok.uio.no/> [ссылка проверена 23.05.2016]